

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи *).

Ученая дѣятельность Каллимаха тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ двумя всемірно-извѣстными образовательными учрежденіями эллинизованнаго Египта, — александрійскимъ музеемъ и библіотекою Лагидовъ: Каллимахъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ музея и даже главою цѣлой школы ученыхъ, здѣсь дѣйствовавшихъ (οἱ Καλλιμαχέιοι), а въ перечнѣ лицъ, послѣдовательно завѣдывавшихъ библіотекою, имя его также стояло на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Невозможно, стало быть, разсматривать его дѣятельность, не касаясь исторіи названныхъ учреждений. Это значило бы оторвать нашего писателя отъ той почвы, которая дала жизнь всѣмъ его произведеніямъ ⁶³).

*) Глава эта съ весьма значительными перемѣнами и сокращеніями была напечатана въ видѣ отдѣльной статьи въ философскомъ отдѣлѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ (1890, ноябрь), а нѣкоторая часть ея — въ „Журналѣ Министерства Народ. Просв.“ (1890, декабрь) подъ названіемъ: „Замѣтка къ тексту Страбона“.

⁶³) Считаю нелишнимъ указать на литературу вопроса (курсивомъ напечатаны заглавія тѣхъ сочиненій, которыми авторъ при составленіи этой главы имѣлъ возможность пользоваться): *L. Neocorus* (Kuster) *Diatrise de Museo Alexandrino* (Gronov. thes. antiq. gr. vol. VIII); Just. Lipsius *De bibliothecis syntagma* (opp. III); Keilhacker *De Museo Alexandrino* (Leips. 1698); Gerischer *De Museo Alexandr. ejusque δωρεαῖς et δωροῖς* (Leips. 1750); I. Ph. Crollii *Oratio de Alexandr. Museo* (1721); Bonamy *Dissertation sur la bibliothèque d'Alexandrie* (Mém. de l'Acad. des B. L. Tom. IX. 1731); *Manso Briefe üb. das alte Alexandrien* (*Vermischte Schriften Leipz.* 1801); Beck [C. D.] *Specimen historiae bibliothecarum Alexandr.* (Leipz. 1779); *его же De philologia seculi Ptolemaeorum*

Александрійскій музей и птолемеева библіотека были дѣломъ одного и того же лица и находились въ близкомъ соотношеніи другъ съ другомъ. Если мы даже согласимся не придавать никакого значенія, — на что, повидимому, имѣемъ полное право, — словамъ анонимнаго біографа Аполлонія родосскаго, позволяющимъ видѣть въ библіотекѣ собственность или принадлежность музея ⁶⁴); если, далѣе, мы взвѣсимъ надлежащимъ образомъ то немаловажное обстоятельство, что и самыя сферы управленія обоими учрежденіями были совершенно различны, безусловно независимы одна отъ другой и подчинены разнымъ лицамъ, — то все же тысячи нитей связывали музей съ библіотекою, тысячи отношеній возникали и непрерывно поддерживались между членами одного и распорядителями другой, и есть полное основаніе думать, что и съ самаго начала, по идеѣ учредителя, музей и библіотека должны были быть частями одного организма, должны были содѣйствовать достиженію однѣхъ и тѣхъ же цѣлей.

(Lips. 1818); Heyne *De genio seculi Ptolem.* (Opusc. academ. vol. I. Gotting. 1785 pp. 76 sqq.); St.-Croix статьи въ *Magasin encyclopédique* (IV, 11; V, 3, 4); Petit-Radel *Recherches sur les bibliothèques anc. et modernes* (Paris. 1819); Reinhard Ueb. die jüngsten Schicksale der alexandr. Bibliotheken (Götting. 1792); Drumann *De rebus Ptolemaeorum* (Lips. 1821); Dedel *Dissert. de hist. crit. Bibl. Alex.* (L. Bat. 1823); Pinzger *Alexandrien unter den Ptolemäern* (Liegn. 1835); Parthey *Das alexandrinische Museum* (Berl. 1838); Klippel Ueb. das alexandr. Museum (Gotting. 1838); Ritschl *Opusc. philol.* I pp. 1—237; Bernhardt в *Berl. Jahrb. für wissenschaftliche Kritik* (1838, December); Backmann *Primordia Musei Alexandrini* (Helsingf. 1840); Seemann *De primis sex bibliothecae Alexandr. custodibus* (Essen. 1859); Hannak *Das Museum und die Bibliotheken in Alexandria* (Wien. 1867); Thionville *De arte Callim. poetae* p. 10 sqq.; A. Becker *Das alex. Museum* (Progr. Schleiz. 1868); *εἰς ὃν καὶ Charikles* (1877) II, стр. 160 сл.; Demetriades *Ἰστ. δοκίμιον τῆς Ἀλεξάνδρ. βιβλιοθήκης* (Аѳины, 1871); H. Göll *Das gelehrte Alterthum* (Leipz. 1870. Cmp. 139 сл.); Weniger *Das alex. Mus.* (Berl. 1875). Кроме того см. Preller (Hall. Jahrb. für deutsche Wissenschaft u. Kunst. 1838. nr. 142), Heffter (Zeitschr. für Alterthumswiss. 1839), Becker-Teuffel (Pauly's Realencycl. s. v. Bibliotheca), Baumstark (ibid. s. v. Museum), Sprengel (Ersch u. Gruber's Encycl. s. v. „Alexandrinische Schule“), Robiou (Dictionn. des antiqq. par Daremberg et Saglio s. v. Bibliotheca); Couat *La poésie alexandrine sous les trois premiers Ptolemées* (Paris. 1882).

⁶⁴) Τινὲς δὲ φασιν, ὅτι ἐπανήλθεν (Apollonius) ἐς Ἀλεξάνδρειαν καὶ αὐτὸς ἐπιθεσάμενος εἰς ἄκρον εὐδοκίμησε * ὡς καὶ τῶν βιβλιοθηκῶν τοῦ Μουσείου ἀξιωματῆραι αὐτόν. Apoll. Rhod. Argon. ex recogn. R. Brunckii I, p. IX sq.

Это были, несомненно, цѣли столько же научныя, сколько и политическія ⁶⁵⁾. Онѣ соотвѣтствовали тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Александръ Великій, когда онъ повсюду на побѣдоносномъ пути своемъ по отдаленнымъ странамъ востока основывалъ новые города и поселенія, долженствовавшіе съ тѣхъ поръ сдѣлаться разсадниками эллиническаго просвѣщенія среди народовъ варварскихъ. Музей представлялъ собою въ сущности учрежденіе въ такой же мѣрѣ интернаціональное, какъ и эти очаги эллинизма. Онъ призванъ былъ стать посредникомъ между наукою востока и запада. Подчиненный съ вѣншей стороны надзору лица, принадлежавшаго къ жреческой коллегіи, онъ, естественно, долженъ былъ напоминать египтянамъ сацердотальныя школы ихъ отечества ⁶⁶⁾, тогда какъ грекъ въ академической сво-

⁶⁵⁾ Срв. Matter op. l. I p. 68 сл.; Droysen Hist. de l'Hellénisme trad. par Bouché-Leclercq, III (1885) p. 49. Напрасно Тіонвилль (ук. соч. стр. 13 сл.), Egger (Aristarque, Revue des deux mondes, 1846, 1 fevr., p. 465 sq.) и др. старались вопреки этому мнѣнію провести ту мысль, что учредителемъ музея не руководили никакія нныя побужденія кромѣ желанія затмить славу аттическихъ школъ блескомъ академіи александрійской. Если осуществленіе и не вполне соотвѣтствовало первоначальной идѣ, то не слѣдуетъ забывать, что оно принадлежало уже не самому вчинателю.

⁶⁶⁾ Couat (La poésie alexandrine) говоритъ: „La direction du Musée était confiée, comme dans les musées de la Grèce, à un grand prêtre“ (стр. 16). Это несовсѣмъ точно. Завѣдываніе музеемъ въ Александріи было присвоено высшему духовному сановнику, который именуется въ одной греческой надписи времяи императора Гадріана „ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης“ и главною функціею котораго въ до-римскій періодъ было отправленіе вновь учрежденнаго культа Александра и Птолемеевъ, соприсчисленныхъ (быть можетъ, отчасти и по примѣру египетскихъ фараоновъ) къ лику боговъ. Онъ принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ „σούμμενοις“, т. е. лицъ перваго ранга, и состоялъ при особѣ государя въ качествѣ его секретаря или эпистолографа. „Epistolographi“,—читаемъ у Франца (SIG. I. I.),—„ut apud Seleucidas (Polyb. XXXI, 3, 16), ita apud Ptolemaeos summa post regem auctoritas fuit. Solebat is regi in consilio adesse et certe in rebus sacris videtur fuisse quodam modo ἀποκράτωρ“. Это была, стало быть, особа, занимавшая высокій офиціальныи постъ. Ничего подобнаго не видимъ въ знаменитыхъ аѳинскихъ „музеяхъ“, каковыми были между прочимъ музеи Платона и Теофраста (срв. Diog. Laërt IV с. 1; V, с. 2, 39). Отправленіе культа музъ въ этихъ святилищахъ науки отнюдь не требовало участія лицъ, облеченныхъ непременно жреческимъ саномъ; нѣтъ,—оно лежало на обязанности того, кто стоялъ во главѣ

бодѣ, царившей въ стѣнахъ этого заведенія, легко могъ узнать нравы аѳинскаго лица. По выраженію Филострата, это была трапеза, радушно призывавшая къ себѣ безъ различія всѣхъ людей, выдающихся своими дарованіями (τράπεζα Αἰγυπτία συγκαλοῦσα τοὺς ἐν πάσῃ τῇ γῇ ἐλλογίμους. Philostr. Vita Dionysii). И какъ широкая научная и литературная дѣятельность немислима безъ соотвѣтствующаго ученаго аппарата, то необходимымъ дополненіемъ къ музею явилась богатѣйшая библіотека, въ которой наряду съ продуктами греческаго генія впервые нашли мѣсто и произведенія восточныхъ литературъ.

До сихъ поръ остается спорнымъ вопросъ, къ какому именно времени должно отнести возникновеніе этихъ двухъ учреждений ⁶⁷⁾. Свидѣтельства нашихъ источниковъ разроз-

учрежденія, подобно тому какъ отправленіе культа семейнаго лежало на обязанности главы семейства. Срв. по этому поводу рассказъ Аѳенія о перипатетикѣ Ликонѣ (XII p. 546 d—f); см. также статью Виламовица „Die rechtliche Stellung der Philosophenschulen“ въ четвертомъ томѣ его „Philologische Untersuchungen“, стр. 263 слл. Особенно поучительно въ этомъ отношеніи знаменитое завѣщаніе Эпиктеты, сохранившееся въ одной еерской надписи и съ вѣроятностью приурочиваемое къ концу III-го или началу II-го стол. до Р. Х. Эпиктета выстроила въ память двухъ умершихъ своихъ сыновей *μοῦσῶν*, снабдила его всѣмъ потребнымъ для отправленія культа музъ и близкихъ ей покойниковъ аппаратомъ и учредила религиозное общество (τὸ κοινόν), на обязанности котораго лежало поддерживать этотъ культъ. Жрецомъ музъ и героев, по смыслу завѣщанія, не могъ быть никто кромѣ старшаго въ родѣ по прямой линіи, и ему же должно было принадлежать и предсѣдательство въ собраніяхъ общества (см. Roscher Mythologisches Lexicon, ст. 2530 слл., гдѣ указана и относящаяся къ вопросу о названномъ памятникѣ литература). Что музеи ученые и философскіе по существу не отличались въ своей вѣтшной организаціи отъ тѣхъ *Σίσκοι*, въ основаніи которыхъ лежалъ семейный культъ,—это теперь можно считать достаточно твердо установленнымъ. Каждый изъ нихъ представлялъ цѣлое, отдѣльные члены котораго связаны были между собою не только единствомъ научныхъ и литературныхъ интересовъ, но и узами общаго почитанія дорогихъ мертвецовъ, каковыми являлись для нихъ покойные учредители и дѣятели музея. Такимъ образомъ и Птолемей пользовались поклоненіемъ въ александрийскомъ музеѣ по праву его основателей, т. е. въ качествѣ такъ называемыхъ „*ἡρώεσται*“ (срв. *κοινὸν τῶν ἡρώεστων* на о. Родосѣ, на карійскомъ берегу, въ Атикѣ и проч. Roscher *ibid.*).

⁶⁷⁾ Что основаніе библіотеки и учрежденіе музея не были раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени, что то и другое было

ненны, темны и противорѣчивы. Не давая точныхъ, категорическихъ указаній, они оставляютъ широкое поле для догадокъ и предположеній. Такъ, по словамъ однихъ, истиннымъ основателемъ библіотеки и музея былъ Птолемей Сотеръ⁶⁸⁾. Другіе напротивъ отодвигаютъ ихъ возникновеніе къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Филадельфа,—къ тому періоду, когда второй представитель династіи Лагидовъ, уже удрущаемый недугами старости, искалъ забвенія и утѣшенія въ занятіяхъ наукою и литературою⁶⁹⁾. Третьи наконецъ,

задумано и выполнено одновременно,—въ этомъ нѣтъ причины сомнѣваться. Simon de Magistris, приписывавшій организацію книжнаго собранія первому, а музея—второму изъ Птолемеевъ (у Parthey ук. соч. стр. 46), сколько мнѣ извѣстно, не приобрѣлъ въ ученой литературѣ сильныхъ сторонниковъ. Его мнѣніе, повидимому, былъ склоненъ принять Зеemannъ (ук. соч. стр. 9); но приведемъ на этотъ счетъ слова Баумштарка (ук. м.): „wenn die in der Bibliothek gesammelten und fortan zu sammelnden Bücher verstanden und erklärt werden sollten, so waren auch Männer von Rang herbeizuziehen, welche diese bibliothekarischen Schätze zu bearbeiten und den Gewinn ihrer Forschungen als eigene Fachgelehrsamkeit auf eine Schule zu vererben hatten, was nicht besser geschehen konnte, als wenn man ihnen Sicherheit der Existenz und zugleich einen Vereinigungspunkt gewährte, wie das Museum war“.

⁶⁸⁾ Въ такомъ смыслѣ можно истолковать одно мѣсто изъ сочиненій Плутарха: Non posse suav. vivi sec. Epic. XIII, 3 εἰ δὲ Πτολεμαῖος ὁ πρῶτος συναγαγὼν τὸ μουσεῖον τοῦτοις συνέτυχε τοῖς καλοῖς καὶ βασιλικοῖς παραγγέλλασιν, ἃρ' οὐκ ἂν εἶπε κτε'. („Comme Plutarque désigne toujours par le seul nom de Πτολεμαῖος le premier Ptolémée, et par leur surnom les autres Ptolemées qu'il lui arrive de citer, Philadelphie par exemple, il est certain qu'il a bien voulu nommer ici Ptolémée Soter“. Couat p. 12). Срв. также Plut. de coh. ira IX. Сюда же относятся, далѣе, свидѣтельства св. Иринея, Климента александрійскаго, Θεοδώρα (Praef. in Psalm.) [ссылки см. у Matter I, 76], Свида (s. v. Ζηνόδοτος) и Псевдо-аристея (см. Herwig De Demetrii Phalerei scriptis. Rinteln. Progr. 1850. p. 27 sq.).

⁶⁹⁾ Таковы Синкеллъ и Юлій Африканъ, опредѣляющіе основаніе библіотеки очень поздною датою, именно—132 олимпіадою, незадолго до смерти Филадельфа; съ ними согласно показаніе Евтропія, по словамъ котораго библіотека была организована въ тридцатый годъ царствованія Птолемея II (точные ссылки у М. Мейера Opusc. academ. I p. 80 sq.). Нѣсколько раньше возникла она по Евсевію ap. Hieronym. Chron. II p. 350: „Ol. 125,1 Ptolemaeus Philadelphus Judaeos in Aegypto captivos libertate donavit. Regia quoque munera Hierosolyma ad Eleazarum pontificem submisit deditque operam, ut Judaeorum libri ex hebraica ad graecam linguam transferrentur eosdemque in Alexandrina bibliotheca a se congesta posuit“. Въ одной категоріи съ названными авторами должны быть упомянуты также Страбонъ и Эліанъ, хотя слова послѣднихъ менѣе опредѣ-

приписывая основаніе библіотеки Филладельфу, приурочиваютъ однако его къ самому началу царствованія этого монарха, когда Деметрій фалерскій, вскорѣ подвергнувшійся опалѣ и изгнанію, находился еще въ Александріи и былъ въ силѣ при дворѣ ⁷⁰). Хронологическіе предѣлы, устанавливаемые всѣми этими разнообразными показаніями, обнимаютъ, стало быть, болѣе нежели полвѣка (305—246).

Многое заставляеть насъ склониться на сторону мнѣнія, приведеннаго подъ первую рубрикою. Что оба учрежденія возникли по почину перваго Птолемея, на это, мнѣ кажется, дано непререкаемое указаніе главнымъ образомъ въ тѣхъ текстахъ, которые сообщаютъ намъ о прикосновенности къ дѣлу Деметрія фалерскаго. Заподозривать справедливость такого сообщенія мы не имѣемъ ровно никакого права; съ другой стороны думать, что Деметрій могъ дѣйствовать при Филладельфѣ въ періодъ самостоятельнаго правленія его, не позволяютъ тѣ обстоятельства, о которыхъ рассказываетъ Гермиппъ (ар. Diog. L. V, 78). Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно Деметрій при жизни Сотера интриговалъ въ пользу сыновей Эвридики противъ Филладельфа, то послѣдній, хорошо объ этомъ знавшій, врядъ ли могъ долго сохранить за со-вѣтникомъ и другомъ своего отца его прежнее почетное и вліятельное положеніе и поручить ему дѣло, требовавшее многихъ лѣтъ спокойной и непрерывной работы. Напротивъ, преданіе говоритъ, что, лишь только умеръ Птолемей I, преемникъ его тотчасъ же отдалъ приказъ схватить его зло-

ленные: Strab. p. 789 ὁ Φιλάδελφος ἐπικληθεὶς φιλοστοργῶν καὶ διὰ τὴν ἁσθένειαν τοῦ σώματος διαγωνῶς ἑαί τινας καὶ τέρψεις ζητῶν καινотέρως. Aelian. V. H. IV, 25: μουσικώτατον δὲ λέγουσι καὶ Πτολεμαῖον γενέσθαι τὸν δεῦτερον καὶ αὐτὸν νοσήσαντα.

⁷⁰) Это было во время совмѣстнаго правленія Сотера и Филладельфа. По примѣру Анатолія ар. Euseb. Hist. Eccles. VII, 32 возникновеніе александрійской библіотеки относили къ этой порѣ Lipsius, Petavius (Denis Petau), Is. Vossius, Riecioli и Bonamy (Баумштаркъ ук. м.); срв. Clinton Fasti Hell. III p. 380: the μουσεῖον and the library, which Philadelphus founded, are mentioned by Athen. V p. 203 e. Both these were probably founded in the beginning of his reign. Опору для себя такое мнѣніе должно было бы найти въ свидѣтельствахъ Іоанна Тзетза (Prolegg. ad Aristoph.) и неизвѣстныхъ авторовъ плавтинскаго схолія и фрагмента „περί κομψιδίας“.

получнаго клеветы и отправить въ ссылку въ Верхній Египетъ, гдѣ тотъ уже въ 283 г. умеръ отъ укушенія змѣи (ὕπνωττων ὑπ' ἀσπίδος τῇν χεῖρα δηχθεὶς τὸν βίον μεθῆκε. Негтирр.). Другимъ не менѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служить сказаніе о семидесяти толковникахъ, приписывающее инициативу перевода библіи на греческій языкъ все тому же Деметрію фалерскому. Допустимъ, что въ этомъ сказаніи переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ смѣшивается съ основаніемъ библіотеки и музея; положимъ, что то и другое приурочивается въ немъ ко временамъ Филадельфа, когда Деметрія уже не было и въ живыхъ; положимъ наконецъ, что самая достовѣрность сказанія давно подвергнута сомнѣнію, — все это такъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ М. Мейеръ ⁷¹⁾, отчего же не другаго кого, а именно Деметрія поставила тенденціозная традиція во главѣ предпріятія? Не говоритъ ли это до очевидности ясно въ пользу того, что аѳинскому изгнаннику принадлежала важная роль въ исторіи просвѣтительныхъ учреждений Александріи? Не естественно ли предположить, что, перемѣшавъ времена и измѣнивъ даже самыя обстоятельства, память потомства сохранила однако въ неприкосновенности имя главнаго дѣйствующаго лица?

Но помимо этихъ есть еще и другія соображенія, въ силу которыхъ основателемъ музея и библіотеки долженъ былъ быть именно Сотеръ. Храбрый полководецъ, развившій свои военные таланты подъ знаменами Александра, тонкій политикъ, осторожный и благоразумный правитель, — Птолемей Сотеръ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и глубоко и всесторонне образованнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ окружать себя учеными, поэтами и философами, гордился дружбою съ Зенодотомъ и Эвклидомъ, поддерживалъ дѣятельную переписку

⁷¹⁾ M. Meyeri Opusc. academ. vol. I p. 79, adn. 26: neque vero propterea quod narratio de origine illius interpretationis in numerum fabularum referenda est, credibile Demetrii nomen temere fictum esse, quidni aliud finxerunt, si Demetrii ne fuit quidem ea provincia?

съ Теофрастомъ ⁷²⁾, снаряжалъ экспедиціи съ научными цѣлями и не безъ успѣха выступилъ наконецъ самъ на поприщѣ литературы съ «Исторією Александра В.», — добросовѣстнымъ и дѣльнымъ трудомъ, выгодно отличавшимся отъ множества другихъ произведеній на ту же тему отсутствіемъ баснословія и романическихъ прикрасъ. Располагая громадными средствами и одушевленный любовью къ умственнымъ занятіямъ, онъ, естественно, могъ желать, чтобы Александрія обладала всѣми потребными для такихъ занятій вышними условіями и чтобы тѣ даровитые писатели, художники и мыслители, которыхъ привлекали къ его двору собственно лишь его личныя свойства, въ этихъ благоприятныхъ условіяхъ могли найти для себя и объективное побужденіе къ болѣе продолжительному пребыванію въ стѣнахъ новой столицы Египта. Птолемей Сотеръ хорошо сознавалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ оружіе македонянъ раздвинуло предѣлы Греціи на всю переднюю Азію и сѣверо-восточную Африку, Аѣны лишились своего значенія. Рѣдкія выгоды географическаго положенія въ самомъ центрѣ той обширной монархіи, которую Александръ завѣщалъ «достойнѣйшему», преимущества превосходнѣйшей морской станціи на пути торговыхъ сношеній Греціи съ варварскимъ востокомъ, вышняя безопасность отъ вражескихъ нападений, — все это обезпечивало за Александріей право на первенство среди тѣхъ городовъ, которые теперь хотѣли соперничать съ Аѣнами и въ матеріальной силѣ, и въ богатствѣ духовной жизни. Ни Пелла, ни Антиохія, ни Пергамъ, ни Апамея не могли равняться съ нею ни въ какомъ отношеніи. Городъ на Средиземномъ морѣ, при устьѣ Нила, у самаго входа въ богатѣйшую нильскую долину, сразу ставшій громаднымъ

объ Аѣне! x

⁷²⁾ Объ отношеніяхъ Птолемея I-го къ различнымъ свѣтиламъ греческой литературы и науки см. Geieri De Ptolemaei Lagidae vita (Halis Sax. 1838) p. 68 sqq.; Pauly's Realencyclopädie VI, стр. 188 слл.; Seemann ук. соч. стр. 7 сл. На его радужный призывъ охотно стекались въ Александрію такіа лица, какъ Стратонъ, — по Плутарху (adv. Colot. XIV, 3) «τῶν ἄλλων Περιπατητικῶν ὁ κορυφαίωτάτος», — Θεόδωρ Ἀζεος, Діодоръ Κρόνος, Стильпонъ и проч.

складочнымъ пунктомъ, куда Аравія высылала свои пряности, Индія и Цейлонъ—свои драгоцѣнныя ткани, Африка—свое золото и слоновую кость, Испанія—свое серебро, Македонія—свой строевой лѣсъ, острова Архипелага—свое вино, материковая Греція—свои гончарныя издѣлія, маслины и оливковое масло, Кипръ—свою мѣдь и т. д.,—такой городъ, кишѣвшій разноплеменнымъ населеніемъ, не могъ не сдѣлаться средоточіемъ оживленныхъ культурныхъ вліяній между сталкивавшимися здѣсь націями и, стало быть, долженъ былъ представлять благодарную почву для самой широкой научной, литературной и художественной дѣятельности ⁷³⁾). Попытка создать здѣсь новыя Аѳины, которыя бы затмили своимъ блескомъ славу Аѳинъ Перикла, отнюдь не была безразсуднымъ предпріятіемъ: могучая сила вещей благопріятствовала планамъ Птолемеевъ, а будущее до извѣстной степени оправдало ихъ ожиданія. Притомъ въ самомъ началѣ попытка эта встрѣтила поддержку въ такомъ человѣкѣ, который и по своей образованности, и по уму, и по политической оытности былъ наиболѣе пригоденъ для дѣла, задуманнаго уже Сотеромъ. Я разумѣю Деметрія фалерскаго.

Можно полагать, что мысль о музеѣ и библіотекѣ зародилась въ головѣ Сотера прежде, нежели онъ сошелся съ Деметріемъ фалерскимъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что только съ переселеніемъ этого послѣдняго изъ Аѳинъ въ Александрію она созрѣла, окрѣпла и стала близиться къ осуществленію. Ко времени этого переселенія во внѣшней политикѣ Египта наступило затишье. Въ 294 г., съ восшествіемъ Деметрія Поліоркета на македонскій престолъ, окончилась многолѣтняя кровопролитная борьба діадховъ изъ-за наслѣдія Александра, и, если спустя шесть лѣтъ деспотическій образъ дѣйствій новаго правителя Македоніи вызвалъ противъ него цѣлую коалицію, къ которой примкнулъ и Птолемей, то дѣло это было рѣшено однимъ походомъ, и съ

⁷³⁾ Живо и увлекательно начертана картина торговыхъ сношеній Александрии у Мансо въ его „писъмахъ“ (II, стр. 381 сл.).

низложеніемъ безпокойнаго авантюриста ничто уже болѣе не грозило нарушить миръ. Мысли престарѣлаго Лагида, утомленнаго продолжительною войною, могли теперь спокойно обратиться къ вопросамъ внутренней политики. Онъ приблизилъ къ себѣ Деметрія фалерскаго, къ которому питалъ особое уваженіе, какъ къ ученику Теофраста и другу Менандра, и, если вѣрить Эліану, сдѣлалъ его первымъ своимъ совѣтникомъ по дѣламъ управления страной ⁷⁴). Выборъ, конечно, былъ сдѣланъ какъ нельзя болѣе удачно. «Заслуга, которую Деметрій здѣсь, вдалекѣ отъ своей родины, оказалъ человѣчеству»,—говоритъ Юл. Шварцъ,—«значительно превзошла по важности въ культурномъ отношеніи все то, что сдѣлало для человѣчества аѳинское народное правительство съ момента вступленія Полиоркета въ Аѳины вплоть до времени владычества римскихъ деспотовъ вродѣ Гадріана или Марка Аврелія; ибо Деметрій фалерскій въ высокой мѣрѣ содѣйствовалъ тому сліянію греческой образованности съ образованностью египетскою, вавилонскою и іудейскою, которому вся западно-европейская культура обязана своимъ происхожденіемъ» ⁷⁵).

Нужно замѣтить, что то была пора, когда придавали особенное значеніе политическимъ теоріямъ и въ литературѣ существовало немало полуфилософскихъ, полуисторическихъ трактатовъ «о государствѣ», «объ управленіи», «о законодательствѣ» и т. п., посвященныхъ авторами либо Александру, либо кому нибудь изъ его преемниковъ ⁷⁶). Осо-

⁷⁴) Aelian V. H. III, 17: ἐν Αἰγύπτῳ δὲ συνὼν τῷ Πτολεμαίῳ (Δημήτριος) νομοθεσίας ἤρξε.

⁷⁵) Jul. Schwarcz Die Demokratie. I (Leipz. 1884), стр. 556.

⁷⁶) Какъ далеко восходили начала этой „политической“ литературы и какъ широки были ея размѣры, видно изъ списковъ Henkel'я (Studien zur Gesch. der griech. Lehre v. Staat. 1872) и Jul. Schwarcz'a (Critik der Staatsformen des Aristoteles [1890], Anhang). Послѣдній вводитъ въ кругъ писателей, занимавшихся вопросами политики и права, Гераклита, Демокрита, Архелая, Эмпедокла, Архита, Продика, Гиппия, Критія, Антисѳена и др. и думаетъ, что ихъ то именно и слѣдуетъ разумѣть подъ τῶν и τινέс въ безыменныхъ ссылкахъ на предшествующую литературу у Аристотеля. Самъ Аристотель, говорятъ, написалъ спеціально для Александра, въ то время еще юноши, трактатъ „περὶ βασιλείας“: Pseudo-

бенно возбуждали къ себѣ живой интересъ, вопросы политики и права вообще въ школѣ перипатетиковъ. Отсюда вышло множество извѣстныхъ «политіографовъ» (οἱ πολιτειογράφοι), и самъ Деметрій фалерскій, громадная эрудиція котораго обнимала и ретику, и грамматику, и исторію, и философію, и науки военныя и политическія, не чуждъ былъ литературѣ этого рода и слылъ авторомъ нѣсколькихъ обширныхъ трактатовъ, затрогивавшихъ различныя стороны государственной жизни ⁷⁷⁾. Немудрено, что, какъ передаетъ Плутархъ, онъ дѣйствительно подалъ своему державному покровителю совѣтъ собирать и изучать сочиненія, трактующія о государствахъ. «Книги», говорилъ онъ, «имѣютъ больше смѣлости

Ammonii vita Arist. τῷ δ' Ἀλεξάνδρῳ καὶ περὶ βασιλείας ἔγραψεν ἐν ἐνὶ μονοβιβλίῳ παιδείων αὐτὸν ὅπως δεῖ βασιλεύειν [ap. Rose Aristot. Pseudepigraph. n° XIV frgm. 1 (69)]. Срв. vit. Arist. Marc. (ibid.). Нѣсколько позже написано было другое сочиненіе—'Ἀλέξανδρος ἡ ὑπὲρ ἀποικίων“, содержаніе котораго вращалось вокругъ вопроса ὅπως δεῖ τὰς ἀποικίας ποιεῖσθαι [ibid. XV frgm. 1 (71)]. По словамъ Плутарха (adv. Colot. с. XXXII) отъ Ксенократа самъ Александръ потребовалъ для себя политическихъ указаній. Въ числѣ произведеній Теофраста кромѣ обращеннаго къ Кассандру разсужденія „περὶ βασιλείας“ приводятся: „περὶ τῆς ἀρίστης πολιτείας“, „πολιτικά“ въ шести кн., „πολιτικά ἔθνη“ въ четырехъ кн., „νόμοι“ въ двадцати четырехъ кн., „περὶ παιδείας βασιλέως“ и проч. Само собою разумѣется, что трактаты эти, имѣвшіе зачастую цѣлью поучать правителей, отличались въ большинствѣ случаевъ тенденціозностью и произвольнымъ толкованіемъ фактовъ исторіи и данныхъ мнѣологій. Въ мнѣяхъ искали объясненія и оправданія для существующихъ порядковъ или же основанія для ихъ замѣны чѣмъ либо инымъ. Срв. Porphyry. de Abstin. II, 33 (Hercher): ἐγὼ δὲ τὰ μὲν κεκρατηκότα παρ' ἐκάστοις νόμιμα λύσων οὐκ ἔρχομαι. οὐ γὰρ μοι περὶ πολιτείας νῦν πρόκειται λέγειν. „Ergo“, заключаетъ отсюда Шнейдевинъ, „muneris erat τῶν πολιτειογράφων—τὰ κεκρατηκότα παρ' ἐκάστοις νόμιμα λύσαι,—h. e. ex fabulosa potissimum aetate repetere, unde instituta et disciplinae civitatum originem habuissent“ (Heraclidis politiarum quae exstant rec. et comment. instr. Schneidewin. Gotting. 1847, p. VII).

⁷⁷⁾ Сюда относились его сочиненія: „περὶ πολιτικῆς“, „περὶ νόμων“ („in hoc libro Dem. aut de variis legibus aliarum civitatum aut universe de legibus exposuisse videtur“. Herwig op. l. p. 17), „ὑπὲρ τῆς πολιτείας“, „περὶ δημαγωγίας“, „περὶ τῆς Ἀθήνησι νομοθεσίας“ и проч. Вѣрный принципамъ политики мира, отстаиваемой, какъ извѣстно, перипатетиками, Деметрій писалъ также и „ο мирѣ“ („περὶ εἰρήνης“), гдѣ между прочимъ указывалъ на примѣръ Ликурга, сумѣвшаго создать сильное государство на пути мирныхъ преобразованій (οὐδὲμιᾶς ἀψάμενον πολεμικῆς πράξεως ἐν εἰρήνῃ καταστήσασθαι τὴν πολιτείαν). Насколько такая мирная политика была симпатична и самому Сотеру, можно судить со словъ Курція De gest. Alex. M. IX, 33.

высказывать государямъ правду, нежели даже ихъ друзья» ⁷⁸⁾. И очень можетъ быть, что Сотеръ, давно лелѣявшій мысль объ основаніи библіотеки въ Александріи, нашелъ для себя въ этомъ совѣтѣ ближайшій поводъ къ ея осуществленію. Какъ бы то ни было, онъ облекъ Деметрія полномочіемъ собирать отовсюду рукописи, не щадя ни усилий, ни средствъ, и преданіе увѣряетъ, что уже къ концу царствованія перваго Птолемея Деметріемъ было приобрѣтено для него до 200000 свитковъ.

Свитки эти, добывавшіеся изъ разныхъ рукъ и зачастую стоившіе баснословныхъ денегъ, сперва не имѣли особаго, специально для нихъ предназначеннаго помѣщенія. Для сохраненія ихъ долго довольствовались кладовыми, куда они безъ разбора сваливались и гдѣ знатоки книжнаго дѣла, такъ называемые грамматики, подвергали весь наличный матеріалъ тщательному разсмотрѣнію и распредѣляли книги по отдѣламъ и рубрикамъ (*χωρίζοντες*). Лишь по мѣрѣ возрастанія литературной коллекціи Птолемеевъ стала все живѣе и живѣе ощущаться потребность въ особомъ зданіи, долженствовавшемъ служить книгохранилищемъ, и, кажется, не ранѣе, какъ при Птолемѣ II Филадельфѣ отдѣленъ былъ для этой цѣли большой корпусъ въ Брухін, составлявшій часть дворцовыхъ построекъ и, по всей вѣроятности, распо-

⁷⁸⁾ Plut. Apophthegm. (M. p. 189, D): Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς Πτολεμαίῳ τῷ βασιλεῖ παρήγει τὰ περὶ βασιλείας καὶ ἡγεμονίας βιβλία κτᾶσθαι καὶ ἀναγιγνώσκειν. ἃ γὰρ οἱ φίλοι τοῖς βασιλεῦσιν οὐ θαρροῦσι παραίνειν, ταῦτα ἐν τοῖς βιβλίοις γέγραπται. Кстати по поводу той роли совѣтника государева, въ которой выступаетъ въ нашихъ источникахъ Деметрій при особѣ Птолемея I, позволю себѣ здѣсь высказать свою догадку, что упоминаемое Диогеномъ лаэртскимъ сочиненіе Деметрія Πτολεμαίως было не историческаго и не хвалебнаго содержанія, какъ обыкновенно думаютъ, а скорѣе представляло нѣчто вродѣ докладной записки или проекта рекомендуемыхъ авторомъ мѣропріятій и преобразованій, т. е. относилось въ разрядъ такъ наз. λόγων συμβουλευτικῶν. Существованіе подобнаго произведенія въ числѣ оставленнаго Деметріемъ литературнаго наслѣдія только и могло, по моему мнѣнію, дать поводъ позднѣйшимъ фальсификаторамъ къ составленію такихъ документовъ, какъ напр. извѣстное подложное письмо Деметрія къ Птолемею, приводимое у Юсифа Флавія, Евсевія и Псевдо-Аристеля.

ложенный неподалеку от музея ⁷⁹⁾. Этот корпус со всеми сокровищами, в нем собранными, подчинен был ведению одного лица, совмещавшего в своей особе функцию библиотекаря со многими другими весьма сложными, трудными и ответственными функциями. В его распоряжении находился целый штат служителей. Одни из них под его наблюдением вели реестры всем новым приобретениям библиотеки и таким образом подготавливали материал для рационального каталога ее; другие занимались оценкою и рассмотрением манускриптов, поступавших в управление библиотеки от книгопродавцев и комиссионеров; третьи изготовляли копии с таких сочинений, которых нельзя было приобрести за деньги в полную собственность ⁸⁰⁾; четвертые наблюдали за поддержанием необходимого порядка в помещениях корпуса, за сохранением рукописей от моли, червей, сырости и т. п., за удобным размещением их в шкафах и на полках; пятые заведывали частью экономической и т. д. Словом, это был довольно сложный механизм, в котором библиотекарю принадлежала роль движущей пружины. И как его многообразная деятельность требовала весьма солидной ученой подготовки, то неудивительно, что в должности этой по большей части состояли члены музея. Сам государь выбирал из их числа лицо, наиболее способное по его мнению с пользою занимать место библиотекаря, и это лицо сохраняло все свои полно-

⁷⁹⁾ См. *Sonat* p. 4, 14. Дворцовые постройки занимали почти целую треть всего города.

⁸⁰⁾ Распорядители александрийской библиотеки стремились не только к приобретению рукописей вообще, но и преимущественно к приобретению рукописей оригинальных или наилучше выправленных и проверенных. С этою целью они нередко отдавали в заем старых манускриптов новья, самым тщательным образом изготовленные копии содержащегося в этих манускриптах текста (*καὶνὰ χάρται, καὶνὰ ἀντίγραφα*) с приплатою вдобавок значительной суммы денег. Подобным образом приобретение было напр. от афинян ликургов экземпляр трагедий Эсхила, Софокла и Эврипида в управление Филадельфа (*Beck*) или одного из Эвереттов (*Heyne, Dedel, Parthey, Matter etc. Cf. Galen. Comment. II in Hippocr. lib. III. Epidem.—Tom. V p. 411 ed. Basil.*).

высказывать государямъ правду, нежели даже ихъ друзья» ⁷⁸⁾. И очень можетъ быть, что Сотеръ, давно лелѣявшій мысль объ основаніи библіотеки въ Александріи, нашелъ для себя въ этомъ совѣтѣ ближайшій поводъ къ ея осуществленію. Какъ бы то ни было, онъ облекъ Деметрія полномочіемъ собирать отовсюду рукописи, не щадя ни усилий, ни средствъ, и преданіе увѣряетъ, что уже къ концу царствованія перваго Птолемѣя Деметріемъ было приобрѣтено для него до 200000 свитковъ.

Свитки эти, добывавшіеся изъ разныхъ рукъ и зачас-
тую стоившіе баснословныхъ денегъ, сперва не имѣли осо-
баго, специально для нихъ предназначеннаго помѣщенія. Для
сохраненія ихъ долго довольствовались кладовыми, куда они
безъ разбора сваливались и гдѣ знатоки книжнаго дѣла,
такъ называемые грамматикѣ, подвергали весь наличный
матеріалъ тщательному разсмотрѣнію и распредѣляли книги
по отдѣламъ и рубрикамъ (*χωρίζοντες*). Лишь по мѣрѣ возрас-
танія литературной коллекціи Птолемѣевъ стала все живѣе
и живѣе ощущаться потребность въ особомъ зданіи, дол-
женствовавшемъ служить книгохранилищемъ, и, кажется, не
ранѣе, какъ при Птолемѣѣ II Филадельфѣ отдѣленъ былъ
для этой цѣли большой корпусъ въ Брухін, составлявшій
часть дворцовыхъ построекъ и, по всей вѣроятности, распо-

⁷⁸⁾ Plut. Arophetegm. (M. p. 189, D): Δημήτριος ὁ Φαίληρεὺς Πτολεμαίου τῷ βασιλεῖ παρήγει τὰ περὶ βασιλείας καὶ ἡγεμονίας βιβλία κτᾶσθαι καὶ ἀναγιγνώσκειν. ἃ γὰρ οἱ φίλοι τοῖς βασιλεῦσιν οὐ θαροῦσι παραινέειν, ταῦτα ἐν τοῖς βιβλίοις γέγραπται. Кстати по поводу той роли совѣтника государева, въ которой выступаетъ въ нашихъ источникахъ Деметрій при особѣ Птолемѣя I, позволю себѣ здѣсь высказать свою догадку, что упоминаемое Діогеномъ лаэртскимъ сочиненіе Деметрія Πτολεμαῖος было не историческаго и не хвалебнаго содержанія, какъ обыкновенно думаютъ, а скорѣе представляло нѣчто вродѣ докладной записки или проекта рекомендуемыхъ авторомъ мѣропріятій и преобразованій, т. е. относилось въ разрядъ такъ наз. λόγων συμβουλευτικῶν. Существованіе подобнаго произведенія въ числѣ оставленнаго Деметріемъ литературнаго наслѣдія только и могло, по моему мнѣнію, дать поводъ позднѣйшимъ фальсификаторамъ къ составленію такихъ документовъ, какъ напр. извѣстное подложное письмо Деметрія къ Птолемѣю, приводимое у Иосифа Флавія, Евсевія и Псевдо-Аристѣя.

ложенный неподалеку от музея ⁷⁹⁾. Этот корпус со всеми сокровищами, в нем собранными, подчиненъ былъ вѣдѣнію одного лица, совмѣщавшаго въ своей особѣ функцію бібліотекаря со многими другими весьма сложными, трудными и отвѣтственными функціями. Въ его распоряженіи находился цѣлый штатъ служителей. Одни изъ нихъ подъ его наблюдениемъ вели реестры всѣмъ новымъ приобрѣтеніямъ бібліотеки и такимъ образомъ подготавливали матеріалъ для рациональнаго каталога ея; другіе занимались оцѣнкою и разсмотрѣніемъ манускриптовъ, поступавшихъ въ правленіе бібліотеки отъ книгопродавцевъ и комиссіонеровъ; третьи изготовляли копии съ такихъ сочиненій, которыхъ нельзя было приобрести за деньги въ полную собственность ⁸⁰⁾; четвертые наблюдали за поддержаніемъ необходимаго порядка въ помѣщеніяхъ корпуса, за сохраненіемъ рукописей отъ моли, червей, сырости и т. п., за удобнымъ размѣщеніемъ ихъ въ шкапахъ и на полкахъ; пятые заведывали частью экономической и т. д. Словомъ, это былъ довольно сложный механизмъ, въ которомъ бібліотекарю принадлежала роль движущей пружины. И какъ его многообразная дѣятельность требовала весьма солидной ученой подготовки, то неудивительно, что въ должности этой по большей части состояли члены музея. Самъ государь выбиралъ изъ ихъ числа лицо, наиболѣе способное по его мнѣнію съ пользою занимать мѣсто бібліотекаря, и это лицо сохраняло всѣ свои полно-

⁷⁹⁾ См. Souat p. 4, 14. Дворцовыя постройки занимали почти цѣлую треть всего города.

⁸⁰⁾ Распорядители александрійской бібліотеки стремились не только къ приобрѣтенію рукописей вообще, но и преимущественно къ приобрѣтенію рукописей оригинальныхъ или наилучше выправленныхъ и проверенныхъ. Съ этою цѣлю они нерѣдко отдавали въ замѣну старыхъ манускриптовъ новыя, самымъ тщательнымъ образомъ изготовленные копии содержащагося въ этихъ манускриптахъ текста (*καὶ καὶ ἄντιγραφα*) съ приплатою вдобавокъ значительной суммы денегъ. Подобнымъ образомъ приобрѣтенъ былъ напр. отъ афинянъ ликурговъ экземпляръ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида въ правленіе Филадельфа (Beck) или одного изъ Эверпетовъ (Heyne, Dedel, Parthey, Matter etc. Cf. Galen. Comment. II in Hippocr. lib. III. Epidem.—Tom. V p. 411 ed. Basil.).

мочія до самой смерти ⁸¹⁾. Такъ наследовали другъ другу Зенодотъ, Баллимахъ, Эратосѣенъ, Аполлоній родосскій, Аристофанъ византійскій и Аристархъ ⁸²⁾.

По размѣрамъ своимъ вновь организованная библіотека Птолемеевъ должна была превзойти все известныя до того времени крупныя собранія книгъ. Передъ ея колоссальностью должны были отступить на задній планъ не только столь нѣкогда славныя библіотеки Эврипида, Эвондема, Эвклида, Никократа и др., но и едва ли не самая обширная въ древности коллекція рукописей, принадлежавшая Аристотелю. Самая эта коллекція, о богатствѣ которой мы можемъ уже отчасти судить по богатству и разнообразію цитатъ, разбѣянныхъ въ сочиненіяхъ Аристотеля, вошла современемъ, какъ интегральная часть, въ составъ библіотеки Лагидовъ. Говорятъ, что Аристотель завѣщалъ ее ученику своему Теофрасту, а Теофрастъ—Нелею скенсійскому, который перевезъ ее на свою родину, въ Троаду, а впослѣдствіи продалъ Птолемеевъ Филадельфу ⁸³⁾. Безъ сомнѣнія это было самое цѣнное и

⁸¹⁾ Любопытный анекдотъ, сообщаемый Витрувіемъ объ Аристофанѣ византійскомъ, свидѣтельствуешь о строгости тѣхъ требованій, которыя предъявлялись въ Александріи къ кандидатамъ на должность библіотекаря. Пусть въ этомъ анекдотѣ отъ перваго слова до послѣдняго все—голый вымыселъ: знаменательно уже то, что подобные вымыслы могли создаваться, циркулировать въ обществѣ и находить вѣру. См. Vitruv. VII praef.

⁸²⁾ Деметрій фалерскій, повидному, не былъ библіотекаремъ въ официальномъ смыслѣ этого слова. „Doch kaum darf man von einem Verzeichniss der Bibliothekare reden, wenn man bedenkt, dass in einem Zeitraum von 400 Jahren, von Ptolemäus Lagi bis auf Trajan, uns nur 8 Namen von Vorstehern der alexandrinischen Bibliothek, und darunter mehrere zweifelhafte, aufbehalten sind“ (Parthey op. I. p. 70).

⁸³⁾ Athen. I p. 3: ἦν δὲ, φησί, καὶ βιβλίων κτήσις αὐτῷ (τῷ Λαργησίῳ) ἀρχαίων Ἑλληνικῶν τοσαύτη, ὥς ὑπερβάλλειν πάντας τοὺς ἐπὶ συναγωγῇ τελευτασμένους.... Ἀριστοτέλην τε τὸν φιλόσοφον καὶ τὸν τὰ τοῦτο διατηρήσαντα βιβλία Νηλεῖα παρ' οὗ πάντα φησὶ πριάμενος ὁ ἡμεδαπὸς βασιλεὺς Πτολεμαῖος, Φιλόδελφος δὲ ἐπὶ κλην, μετὰ τῶν Ἀθηνήθεν καὶ τῶν ἀπὸ Ῥόδου εἰς τὴν κλην Ἀλεξάνδρειαν μετέγαγε. Втеченіе своей долгой жизни Аристотель, жилище котораго Платонъ не даромъ же называлъ въ шутку „οἶκος ἀναγνώστου“ (Ammoni vita Arist. ap. Westermann Vitarum scriptores gr. minores, p. 398), непрерывно обогащалъ новыми приобрѣтеніями свое собраніе книгъ, пользуясь поддержкою со стороны вѣнценоснаго ученика и, какъ во всемъ, слѣдуя строго опредѣленному плану и методу (Strabo XIII p. 608: πρῶτος ὢν ἵσμεν

капитальное изъ всеѣхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ александрийскими библіофилами, но оно не могло удовлетворить ихъ жажду новыхъ покупокъ. Старанія ученыхъ, которымъ Птолемѣи поручили веденіе этого дѣла, принесли свои плоды. До сихъ поръ монополія книжной торговли принадлежала Аѣнинамъ и съ недавняго времени Родосу, который сумѣлъ воспользоваться удобствомъ своего положенія на рубежѣ между Греціею и Левантомъ и въ періодъ борьбы Аѣннъ съ Филиппомъ македонскимъ расширилъ до небывалыхъ размѣровъ свои коммерческія связи ⁸⁴). Теперь Александрія явилась опасною соперницею. Она скоро сдѣлалась приманкой для книгопродавцевъ. Сюда стали отовсюду стекаться библіографическія рѣдкости и новинки, отсюда во все концы древняго міра расходились списки наиболѣе интересныхъ и требуемыхъ публикою литературныхъ произведеній. Коль скоро рѣчь шла о книгѣ, можно было питать увѣренность, что всякое новое предложеніе здѣсь будетъ принято. По свидѣтельству Галена, все судохозяева, пристававшіе къ александрийской гавани, какова бы ни была ихъ торговая спеціальность, обязаны были привозить съ собою рукописи. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если ко времени Цезаря количество свитковъ, хранимыхъ въ Брухін, возросло до семисотъ тысячъ ⁸⁵).

συναγαγὼν βιβλία καὶ διδάξας τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ βασιλεὺς βιβλιοθήκης σύνταξιν). Число его собственныхъ произведеній, цѣлкомъ перешедшихъ вмѣстѣ съ остальною коллекціею во владѣніе наслѣдника, простиралось до 400 книгъ (*βιβλία*) или, по другому счету, до 445270 *στίχοι* (Westermann op. l. p. 402; Diog. L. V, 27). Филадельфу впрочемъ досталась не вся бібліотека великаго стагирита: сочиненія самого Аристотеля и Теофраста были, повидимому, удержаны Нелеемъ въ свою пользу или же проданы въ неполныхъ спискахъ. Такъ по крайней мѣрѣ заставляютъ думать свидѣтельства Страбона (XIII, 608 сл.) и Плутарха (Sull. 26); срв. также Athen. V, p. 214. См. Zeller Pholos. d. Griech. II, 2², стр. 80 слл. съ указаніями на литературу вопроса.

⁸⁴) См. въ предыдущемъ прим. цитату изъ Аѣеней. Pauly Realencycl. VI, 1 стр. 489 сл.

⁸⁵) Aul. Gell. VI (VII), 17: *Ingens postea numerus librorum in Aegypto ab Ptolemaeis regibus vel conquisitus vel confectus est ad millia ferme voluminum septingenta*. Срв. Ammian. XXII, 16. Впрочемъ, показанія древнихъ

Рядомъ съ библіотекою росъ, развивался и ширился музей. Какъ показываетъ самое названіе этого учрежденія, это было святилище музъ, подъ сѣнью котораго должна была процвѣтать наука, культивируемая самими видными ея представителями, коимъ здѣсь отъ щедротъ просвѣщенныхъ монарховъ предоставлены были все жизненные удобства и полная свобода научныхъ и литературныхъ занятій. Въ наше время дѣлались самыя разнообразныя попытки подыскать подходящую аналогію для этого знаменитаго созданія Птолемеевъ. Вонаму и Matter сравнивали александрійскій музей съ парижскою академіею наукъ, Prideaux—съ лондонскою, Heyne—съ болонскою (*scientiarum et artium institutum Bononiense*) или каирскою, Crollius—съ цвейбрюкенскою гимназіею, Hody и Mahaffy—съ университетомъ оксфордскаго типа ⁸⁶). «Но», замѣчаетъ по этому поводу Партей, «если кто хочетъ составить себѣ ясное представленіе о музеѣ, то для этого прежде всего необходимо отрѣшиться отъ такихъ идей новѣйшаго времени: это не была ни гимназія, ни академія, ни «литературный питомникъ» (*Treibhaus der Litteratur*), но ученое учрежденіе съ совершенно особенною организаціею,—учрежденіе, которому нынѣ мы не можемъ противопоставить ничего подобнаго и въ которомъ съ античною свободою происходили научныя занятія и велось преподаваніе» ⁸⁷).

Разумѣется, образцемъ въ настоящемъ случаѣ послужили извѣстные «музеи» Аѳинъ, гдѣ давно уже слово *μουσείον* получило значеніе высшей школы, посвященной задачамъ «мусическаго» воспитанія. Въ этомъ именно зна-

на счетъ максимальнаго количества книгъ въ александрійской библіотекѣ весьма разнорѣчивы. См. Parthey стр. 76 сл., Ritschl стр. 27 сл. и у насъ ниже.

⁸⁶) Mahaffy *Alexander's empire*, 4 ed. (Lond. 1889): the Museum and library were in the strictest sense what we should now call an University, and one, too, of the Oxford type, where learned men were invited to take Fellowships and spend their learned leisure close to observatories in science, and a great library of books (p. 142).

⁸⁷) Parthey стр. 60 сл.

ченіи могъ употребить это слово между прочимъ одинъ комикъ въ примѣненіи къ самимъ Аѳинамъ, составлявшимъ нѣкогда для всей Греціи центръ высшей научной и художественной дѣятельности, — какъ-бы школу ея (τὸ τῆς Ἑλλάδος μουσεῖον. Athen. V p. 187 d.); въ этомъ же смыслѣ Филостратъ называлъ «музеемъ» всю Іонію, а Эвнаній именовалъ Лонгина ἔμφυχον καὶ περιπατοῦν μουσεῖον⁸⁸⁾. Такое фигуральное употребленіе названія легко оправдывалось тѣмъ, что при нѣкоторыхъ святилищахъ музъ издавна составились болѣе или менѣе значительныя книгохранилища⁸⁹⁾, при другихъ происходили мусическіе агоны⁹⁰⁾. И когда Платонъ, перенесшій преподаваніе философіи изъ гимназіи Академа въ собственный домъ, выстроенный неподалеку отъ этой гимназіи, приобщилъ къ нему храмъ въ честь музъ и далъ всему институту названіе «музея»⁹¹⁾, то въ этомъ случаѣ онъ отнюдь не былъ новаторомъ: онъ слѣдовалъ уже успѣвшему до извѣстной степени установиться обычаю, и еще раньше его, повидимому, пифагорейцы обозначали тѣмъ же именемъ мѣста своихъ ученыхъ засѣданій⁹²⁾. По смерти своего основателя платоновскій музей вмѣстѣ съ библіотекою его сдѣлался достояніемъ его школы, и, какъ прежде въ

⁸⁸⁾ Baumstark l. l.

⁸⁹⁾ Капище музъ на Геликонѣ имѣло, повидимому, при себѣ библіотеку или по крайней мѣрѣ въ его архивѣ наряду съ официальными документами хранились и произведенія литературы, напр. стихотворенія Гесіода, а въ посвященной музамъ рошѣ при этомъ капищѣ находились статуи многихъ литературныхъ дѣятелей (Paus. IX 29 sq.).

⁹⁰⁾ Срв. Gronovius l. c.; A. Reisch De musicis Graecorum certaminibus pp. 57, 106. Особеннымъ блескомъ отличались мусическія состязанія при помянутомъ въ предыдущемъ прим. геликонскомъ музеѣ (срв. Paus. l. c.; Athen. XIII, 561 e.; XIV, 629 a; Plut. Amatorius lib., 1); къ этимъ состязаніямъ относится нѣсколько надписей, въ которыхъ фигурируютъ передъ нами въ качествѣ увѣнчанныхъ наградами побѣдителей ποιητής προσοδίου, σκιπλιστής, ἐπῶν ποιητής, ῥαψωδός, ἀδλητής, ἀδλωδός, κισαριστής, κισαρψωδός, σατύρων ποιητής, ὑποκριτής παλαιᾶς τραγωδίας, ὑποκριτής παλαιᾶς κωμωδίας (Reisch l. c.; также ibid. p. 120 sq.).

⁹¹⁾ Diog. L. IV, 1: Χρητὼν τ' ἀγάλματ' ἀνέστηκεν ἐν τῷ Μουσεῖῳ, τῷ ὑπὸ Πλάτωνος ἐν Ἀκαδημίᾳ ἰδρυθέντι.

⁹²⁾ Diog. L. VIII, 15: Μεταποντῖνοί γε μὴν τὴν μὲν οἰκίαν αὐτοῦ (Πυθαγόρου) Δῆμητρος ἱερὸν ἐκάλουν, τὸν στενωπὸν δὲ Μουσεῖον.

немъ преподавалъ Платонъ, такъ теперь преподавали въ немъ и завѣдывали его святынею послѣдовательно Спевсиппъ, Ксенократъ и т. д. Подобнымъ образомъ школа Аристотеля обладала своимъ музеемъ. Теофрастъ на собственные средства приобрѣлъ въ Аѣинахъ обширный участокъ земли съ садомъ, застроилъ его зданіями, специально приспособленными къ нуждамъ преподаванія и научныхъ занятій, украсилъ эти зданія подобающими мѣсту произведеніями скульптуры и живописи и завѣщалъ своимъ ученикамъ, какъ общую и неотчуждаемую ихъ собственность, которою они могли пользоваться въ интересахъ знанія и прогресса.

Александрійскій музей, по всей вѣроятности, воздвигнутъ былъ ближайшимъ образомъ по типу музея перипатетиковъ, который своею обширностью и богатствомъ отдѣлки превосходилъ, повидимому, всѣ прочія учрежденія этого рода. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Деметрій фалерскій, бывшій ученикомъ и другомъ Теофраста, имѣлъ, естественно, возможность ближе ознакомиться именно съ этимъ музеемъ, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ, и даже, какъ утверждаютъ, при сооруженіи его самъ оказывалъ значительную матеріальную поддержку строителю ⁹³). Дѣйствительно, многое въ планѣ музея александрійскаго, насколько онъ намъ вообще извѣстенъ, напоминаетъ школу Теофраста, хотя, правда, въ подробностяхъ замѣтна и разница, насколько вообще можетъ быть замѣтна разница между частнымъ учрежденіемъ и учрежденіемъ государственнымъ, принятымъ и выполненнымъ на средства богатѣйшей казны. Мы постараемся, придерживаясь вездѣ въ точности показа-

⁹³) Diog. L. V, 39: λέγεται δ' αὐτὸν καὶ ἴδιον κτήριον σχεῖν — — — Δημ. τοῦ Φιλαργέως τοῦτο συμπράξαντος. Глаголь συμπράσσειν имѣетъ довольно общее значеніе. Я полагаю, что дѣло идетъ здѣсь не только о содѣйствіи, въ которомъ Теофрастъ въ качествѣ метѣка и основанный имъ σύλλογος могли нуждаться со стороны правительственнаго лица, когда имѣлось въ виду приобретение земельной собственности въ предѣлахъ Аттики (срв. Wilamowitz Antigonos v. Karystos, стр. 269), но и о денежной субсидіи, въ которой конечно не могъ отказать перипатетической школѣ такой горячій приверженецъ ея, какъ Деметрій фалерскій.

ній нашихъ источниковъ и не давая воли фантазій, зачастую увлекавшей большинство прежнихъ изслѣдователей этого заманчиваго предмета въ область гаданій и произвольныхъ построеній, опредѣлить здѣсь эти черты сходства и различія.

Знакомство наше съ музеемъ Теофраста основывается преимущественно на завѣщаніи послѣдняго, приведенномъ in extenso у Діогена лаэртскаго (V, 51 sqq.). Изъ него явствуется, что въ предѣлахъ владѣній, отказанныхъ знаменитымъ авторомъ «Характеристикъ» своимъ товарищамъ и ученикамъ, состояли слѣдующія зданія и предметы: 1) святилище музъ (τὸ μουσεῖον, τὸ ἱερόν) съ алтаремъ (βωμός) и священными изображеніями этихъ богинь, наряду съ которыми, по волѣ завѣщателя, должны были быть поставлены статуи Аристотеля и Никомаха, а, можетъ быть, въ силу того же обычая «геронизированія» умершихъ (ἀφ' ἡρωίζεῖν), и статуя самого Теофраста; 2) по крайней мѣрѣ два портика (τὸ στωϊδῖον τὸ πρὸς τῷ μουσεῖῳ и ἡ κατὰ στωά; 3) садъ (κῆπος) съ аллеями для прогулокъ (περίπατος); 4) нѣсколько прилежавшихъ къ саду жилыхъ строеній (αἱ οἰκίαι αἱ πρὸς τῷ κήπῳ), гдѣ членамъ товарищества, организованнаго владѣльцемъ мѣста, предоставлялось сообща жить и философствовать, такъ какъ приходитъ сюда на время для научныхъ занятій не всегда и не каждому было удобно (ἐπειδὴ περ οὐ δυνατόν πᾶσιν ἀνθρώποις ἀεὶ ἐπιδημεῖν). Навѣрное присоединялись къ этому, какъ части названныхъ строеній, такъ наз. экседры, т. е. просторныя, открытыя залы для чтенія и ученыхъ бесѣдъ, и сисситіи или общія столовыя, гдѣ происходили братскія трапезы участниковъ товарищества: первыя были неперемѣнною принадлежностью всѣхъ мѣстъ, служившихъ сборищами философовъ, реторовъ и иныхъ представителей ученой и литературной дѣятельности ⁹⁴⁾, а вторыя также являлись безусловною необходимостью для общества, сложившагося на почвѣ религіознаго культа и

⁹⁴⁾ Vitruv. V, 11: constituuntur in tribus porticis exedrae spatiosae, habentes sedes, in quibus philosophi, rhetores reliquique qui studiis delectantur sedentes disputare possint.

обязанного въ опредѣленные дни совершать установленныя жертвоприношенія съ ихъ неизмѣннымъ заключительнымъ актомъ,—общею пирушкою членовъ ⁹⁵⁾).

Что касается фондовъ, которыми располагалъ музей Теофраста, то, повидимому, будущность его не была обезпечена со стороны учредителя извѣстною денежною суммою: кромѣ земельного участка, застроеннаго примѣнительно къ потребностямъ школы разнаго рода зданіями, и немногочисленной движимости, обозначенной въ завѣщаніи какъ собственность самихъ богинь-покровительницъ учрежденія (ἀναθήματα), Теофрастъ не оставилъ больше своему музею ничего. Существованіе товарищества зависѣло такимъ образомъ всецѣло отъ добровольныхъ пожертвованій, очередныхъ повинностей (leitourgiai) и членскихъ взносов (συμβολαί) ⁹⁶⁾. Весь инвентарь,—рабы, мебель, ковры, посуда, книги,—принадлежалъ не общинѣ, но составлялъ личное достояніе тѣхъ, которые стояли во главѣ ея, и не подлежалъ закону неотчуждаемости ⁹⁷⁾. Во главѣ же музея,—въ качествѣ, такъ сказать, предсѣдателя общества,—пожизненно оставалось лицо, или прямо указанное и реко-

⁹⁵⁾ „Dass die Philosophenschulen nicht nur die Geburtstage ihrer Stifter feierten, sondern sich auch dazu verstanden, zu Ehren anderer Personen Opfertage mit gemeinsamen Festmahlzeiten anzusetzen, das zeigten bereits die Bestimmungen in dem Testamente Epikurs. Von Antigonos Gonatas wissen wir, dass er den athenischen Philosophenschulen eine Summe überwies, um dafür zu Ehren seines verstorbenen Sohnes Halkyoneus jährlich die Halkyoneia zu feiern“ (Roscher, p. 2535). Впрочемъ, общія трапезы въ торжественныхъ случаяхъ, когда требовалась особая пышность обстановки и собраніе оказывалось многолюднѣ обыкновеннаго, могли происходить и не въ музеѣ. Срв. Athen. XII, 548 a: ὁ δὲ Λύκων ὑπ' ἀλαζονείας καὶ ἐν τῷ ἐπιφανεστάτῳ τῆς πόλεως τόπῳ, ἐν τῇ Κόνωνος οἰκίᾳ, εἶχεν εἰκοσίσκλινον οἶκον, ὃς ἦν ἐπιτήδειος αὐτῷ πρὸς τὰς ὑποδοχάς.

⁹⁶⁾ См. Athen. XII, 547 e, f.

⁹⁷⁾ Стратонъ завѣщалъ Ликону свою библіотеку и различную домашнюю утварь (τὰ βιβλία πάντα, πλὴν ὧν αὐτοὶ γεγράφμεν, καὶ τὰ σκεύη πάντα κατὰ τὸ συσσίτιον καὶ τὰ στρώματα καὶ τὰ ποτήρια. Diog. L. V, 62) не какъ будущему схолаху (онъ указываетъ на него, какъ на своего преемника, лишь въ видѣ совѣта товарищамъ и предположительно), но какъ другу и ученику. Подобнымъ образомъ и Теофрастъ отказалъ свои книги Нелею, а весь домашній скарбъ (τὰ οἰκηματικά σκεύη) частью вольноотпущеннику Помпилу, частью же предназначилъ къ продажѣ.

мендованное въ завѣщаніи его непосредственнаго предшественника, или же выбранное членами музея изъ цѣлаго ряда лицъ, перечисленныхъ въ этомъ завѣщаніи ⁹⁸⁾. Въ зависимости отъ такого предсѣдателя находились далѣе другіе магистраты, вѣдавшіе вмѣстѣ съ нимъ хозяйственную часть и помогавшіе ему при отправленіи священныхъ обрядовъ культа ⁹⁹⁾.

Выходитъ, стало быть, что музей перипатетиковъ представлялъ собою родъ общежитія, интернатъ, подчиненный особому уставу, состоявшій въ вѣдѣніи своей магистратуры и подъ эгидою религіи, которая связывала тѣснѣйшими узами его членовъ, и преслѣдовавшій серьезныя научныя цѣли. Ничего подобнаго не нашли бы мы въ болѣе древніе періоды исторіи Греціи. По смыслу солонова законодательства каждый гражданинъ обязанъ былъ посвящать всѣ свои силы, способности и знанія государству, дѣламъ общественнымъ, оставляя свои частныя дѣла и личные интересы на послѣднемъ планѣ ¹⁰⁰⁾. Эгоистическое удаленіе въ кругъ частной

⁹⁸⁾ Срв. у Діогена лаэртскаго завѣщанія Стратона и Ликона.

⁹⁹⁾ Номенклатуру, сюда относящуюся, см. у Аеенея прив. м.

¹⁰⁰⁾ Проф. О. Г. Мищенко говоритъ: „что на самомъ дѣлѣ древнегреческія государства не были всепожирающими молохами, въ которыхъ личность гражданина существовала лишь постольку, поскольку она служила орудіемъ для достиженія цѣлей всего государства, лучшимъ свидѣтельствомъ этого является вся совокупность доставшагося намъ наслѣдія древнихъ грековъ: ихъ поэзія, пластическое искусство, философія, точныя науки и проч. Ни теоретическое знаніе древнихъ грековъ, ни художественные мотивы и образы ихъ далеко не исчерпываются идеей государства или служеніемъ ему“ (Ж. М. Н. Пр. 1890. XII, стр. 330). Если имѣть въ виду древнѣйшій періодъ времени, предшествовавшій тому перелому, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, то я позволю себѣ съ этимъ не согласиться и вкратцѣ повторю здѣсь то, что высказывалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ своихъ очеркахъ „Изъ исторіи греческой этики“ (журн. „В. и Раз.“ 1886). По моему убѣжденію, теоретическія опредѣленія древнихъ мыслителей, на которыя ссылается далѣе почтенный авторъ приведенной тирады, были составлены совершенно въ духѣ греческаго народа и не являлись чѣмъ то вроде „bubbles of the water“, какъ говоритъ шекспировскій Банко. Грекъ прилѣплялся къ отчизнѣ съ тою же исключительностью, съ какою онъ отдавался своей семьѣ, и преслѣдовалъ интересы роднаго города съ тѣмъ же и даже большимъ рвеніемъ, съ какимъ защищалъ честь отеческаго дома и отстаивалъ неприкосновенность семейнаго права. Въ его глазахъ разрывъ съ отчиз-

жизни безусловно порицалось, и тѣ, которые пытались сохранить нейтральное положеніе въ борьбѣ партій, не принимая въ ней активнаго участія, подвергались даже атиміи, т. е. лишенію гражданскихъ правъ ¹⁰¹). Однако уже вскорѣ послѣ пелопоннесскихъ войнъ начинается въ Греціи изсякновение этого духа общественности. Все чаще и чаще встрѣчаются примѣры открытаго заявленія правъ личности, рѣзкіе протесты противъ подчиненія личности идеѣ государства. Коренное измѣненіе условій политической жизни,

ною былъ равносильнъ разрыву съ семьей, съ религіею предковъ, со всѣмъ, что людямъ свято и дорого. Враговъ своей родины онъ почиталъ своими личными врагами, въ интересахъ ея—и только въ нихъ однихъ—находилъ существенный мотивъ для дѣятельности индивидуальной. Оттого всякій дѣятель,—будь то поэтъ, врачъ, философъ, реторъ, ученый, художникъ,—именовался *δημοοργός*, т. е. работникомъ государственной общины (*δῆμος*). И это не пустые слова,—совѣсть народа строго осуждала всякіе себялюбивые, личные мотивы въ дѣятельности, посвященной обществу, какъ отступленіе отъ этической нормы, какъ „*ββρις*“, какъ проявленіе нравственной испорченности. Это воззрѣніе проходитъ черезъ всю греческую литературу. То духовное наслѣдіе, которое досталось намъ отъ древнихъ грековъ, разумеется, складывается изъ произведеній отдѣльныхъ единицъ, но нигдѣ въ отдѣльныхъ единицахъ сознаніе того, что онѣ суть малая часть великаго цѣлаго, не достигало такой ясности и раздѣльности, какъ въ древней Греціи. Никто здѣсь не смѣлъ противопоставить государству свое „я“, свою индивидуальность. И самое яркое свидѣтельство въ пользу такого утвержденія я вижу между прочимъ въ тѣхъ слабыхъ успѣхахъ, которыхъ достигла у грековъ музыка, наиболѣе субъективное изъ всѣхъ искусствъ. Стѣсненная правительственнымъ контролемъ, скованная установленными формами, музыка,—эта могущественная выразительница личныхъ ощущеній и душевныхъ эмоцій,—вплоть до времени упадка эллинизма довольствовалась лишь подчиненною ролью и не имѣла самостоятельнаго значенія. Да и въ области образовательныхъ искусствъ безграничное господство пластическаго стиля, отсутствіе сильной экспрессіи, неподвижность и холодность, строгая законность отношеній между цѣлымъ и частями, математическая определенность формы,—всѣ черты, указывающія на подавленность личныхъ элементовъ,—знаменуютъ именно золотой вѣкъ художественнаго развитія въ Греціи, періодъ процвѣтанія. А что касается поэзіи, то, какъ смотрѣли на свою миссію сами греческіе поэты, видно намъ изъ слѣдующихъ словъ Аристофана: „τοῖς μὲν γὰρ παιδαρίοισιν ἔστι διδάσκαλος ὅστις φράζει, τοῖς ἡβῶσι δὲ ποιηταί, πάντο δὲ θεὸς χρηστὰ λέγειν ἡμᾶς (Ran. v. 1055). Вездѣ такимъ образомъ проступаетъ идея общественной пользы, во имя которой каждый долженъ былъ трудиться, внося въ свою дѣятельность совершеннѣйшую чистоту помысла, совершеннѣйшее безкорыстіе побужденій.

¹⁰¹) Plut. Sol. 20; Gell. II, 12. Aristot. 'Α.Σ. πολ. VIII sub fin. (Kenyon).

наступающее послѣ херонейской битвы, довершаетъ разрывъ между обществомъ, какъ политическимъ цѣлымъ, и индивидуальностью. Случаи удаленія людей съ арены государственной дѣятельности въ болѣе тѣсную сферу частной жизни мало по малу теряютъ характеръ исключительности, становятся все болѣе обычными и перестаютъ разсматриваться какъ преступленіе. Такое удаленіе совершаетъ наконецъ и наука, оставляющая городскія площади, гимназіи и открытые портики, чтобы замкнуться въ предѣлы частныхъ школъ. Эсотерическое преподаваніе заступаетъ мѣсто прежнихъ публичныхъ лекцій и диспутовъ. Возникаютъ болѣе интимныя связи между главою школы и его учениками. Совмѣстныя занятія приводятъ къ совмѣстной жизни, которая отличается тѣмъ большею замкнутостью, чѣмъ подозрительнѣе становится общественное мнѣніе, желающее подчинить дѣятельность философовъ и реторовъ государственному контролю ¹⁰²⁾.

¹⁰²⁾ Въ 306 г. нѣкій Софоклъ, сынъ Амфиклида, родомъ изъ сунійскаго дема, успѣлъ провести законъ, поставившій философское преподаваніе въ Аѣнахъ въ прямую зависимость отъ воли сената и народнаго собранія. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Діогенъ лаэртскій: „τοιοῦτος δ' ὢν [ὁ Θεόφραστος], ὥπως ἀπεδήμησε πρὸς ὀλίγον καὶ οὗτος καὶ πάντες οἱ λοιποὶ φιλόσοφοι, Σοφοκλέους τοῦ Ἀμφικλείδου νόμον εἰσενεγκόντος, μηδένα τῶν φιλοσόφων σχολῆς ἀρρηγεῖσθαι, ἀν μὴ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ δόξῃ· εἰ δὲ μὴ θάνατον εἶναι τὴν ζημίαν. ἄλλ' αὖτις ἐπανήλθον εἰς νέεσσι, Φίλωνος τὸν Σοφοκλέα γραψαμένου παρανόμων. ὅτε καὶ τὸν νόμον μὲν ἄκυρον ἐποίησαν Ἀθηναῖοι, τὸν δὲ Σοφοκλέα πέντε ταλάντοις ἐζημίωσαν καὶ τοῦτον τε τοῖς φιλοσόφοις ἐψηφίσαντο, ἵνα καὶ Θεόφραστος κατέλθοι καὶ ἐν τοῖς ὁμοίοις εἴη (V, 38; срв. Pollux IX, 42). Это была первая попытка правительственного вмѣшательства въ дѣло преподаванія, вызвавшая, какъ видно, уже въ слѣдующемъ году сильный протестъ со стороны Филона, который и добился, несмотря на краснорѣчивую оппозицію Демохара, совершенной отмѣны стѣснительнаго постановленія. Въ сущности постановленіе это было противно самому духу аѣнскаго законодательства. „Аѣнины“, говоритъ Эрнстъ Курціусъ, — „первое государство, которое осмѣлилось посмотреть на свободное развитіе челоѣка, какъ на лучшую подготовку гражданина. Полагаясь на природное влеченіе къ знанію и на силу традиціи, регулировавшей тѣлесное и духовное развитіе молодежи, правительство воздерживалось отъ всякаго вторженія въ дѣло, которое разсматривалось, какъ дѣло семейное. Поэтому не было принудительнаго обученія, не было официально признанныхъ учебныхъ плановъ, и солонъ законъ относительно образованія въ сущности сводился къ тому положенію, что, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ безусловное почтеніе къ родителямъ вмѣнялось дѣтямъ въ непремѣнный долгъ, въ Аѣи-

Наука обособляется, и между ея областью съ одной стороны и зыбкимъ поприщемъ политическихъ интересовъ—съ другой воздвигается высокая преграда. Она созываетъ подъ свои знамена дѣятелей, которые во имя ея отрекаются отъ всего, чѣмъ нѣкогда всецѣло поглощена была жизнь грека,—отъ функций гражданина, отъ участія въ борьбѣ политическихъ партій и въ рѣшеніи жгучихъ вопросовъ дня. Эти люди бѣгутъ отъ празднои сутолоки утратившихъ свое значеніе народныхъ собраній въ уединеніе ученаго кабинета, гдѣ собираются вокругъ себя лишь немногихъ друзей, подобно имъ ради высшихъ интересовъ теоретическаго знанія отказавшихся отъ практической дѣятельности. Возникаютъ ученые кружки, сближающіе между собою на почвѣ научныхъ изслѣдованій людей самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Эпикуръ провозглашаетъ «тщету всѣхъ людскихъ стремленій въ устроеніи своего общежитія, въ исканіи политическаго и общественнаго идеала, выводитъ гражданина изъ государства, взираетъ съ презрѣніемъ даже на семейный союзъ», а «его вѣрный ученикъ и сожитель Метродоръ жестоко издѣвается надъ всякими политическими предпріятіями, надъ событіями первостепенной важности той эпохи, надъ походами Эпаминонда, въ которыхъ онъ видитъ только проявленіе безумія человѣческаго»¹⁰³). Духъ партикуляризма, духъ узкой партийности и племенной исключительности мало по малу уступаетъ тенденціямъ космополитическаго характера. И въ тотъ самый моментъ, когда «стоя» подыскала теоретическую фор-

нахъ только тѣ родители имѣли право ожидать отъ дѣтей почтенія, которые дали дѣтямъ соотвѣтственное ихъ положенію образованіе» (Е. Curtius „Alterthum und Gegenwart“). Но, если вообще сфера народнаго просвѣщенія въ Аѣнахъ стояла внѣ всякой зависимости отъ правительства, то философское преподаваніе въ школахъ, подобныхъ музею Теофраста, „садамъ“ Эпикура, академіи Платона и проч.,—тѣмъ болѣе: это были *ἑῖκοι*, религіозныя корпораціи, и покушеніе на ихъ свободу и безопасность, сдѣланное Софокломъ, было дѣйствительно *παράνομον*. Срв. Wilamowitz Antigon. v. Karystos, стр. 270 слл.

¹⁰³) Слова проф. Ю. А. Булаковскаго („Философъ Эпикуръ и вновь открытыя его изреченія“ Кіевъ. 1889).

мулу для этихъ новыхъ тенденцій ¹⁰⁴⁾, онѣ нашли и реальное выраженіе въ александрійскомъ музеѣ.

Александрія стала новымъ отечествомъ для цѣлой фаланги греческихъ поэтовъ, философовъ, реторовъ и ученыхъ, явившихся сюда изъ разныхъ концовъ эллинскаго міра на зовъ Птолемея Лага и его преемниковъ. Что привлекало ихъ здѣсь? Ничего кромѣ богатыхъ ученыхъ средствъ, которыми располагалъ этотъ городъ, — ничего кромѣ возможности безвозбранно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. То было время, когда извѣстное положеніе «ubi bene, ibi patria» успѣло уже занять мѣсто въ кодексѣ общепризнанныхъ практическихъ истинъ. Подъ гостепріимною кровлею музея мирно стали уживаться граждане искони соперничавшихъ между собою греческихъ общинъ, позабывъ о всякихъ политическихъ счетахъ. И если между членами коллегіи могло существовать и дѣйствительно существовало соперничество, то, конечно, единственно только на поприщѣ ученой и литературной дѣятельности.

Говоря объ Александріи въ той части своего сочиненія, которая посвящена Египту, Страбонъ удѣляетъ нѣсколько строкъ музею Птолемеевъ и описываетъ это учрежденіе слѣдующимъ образомъ: τῶν δὲ βασιλείων μέρος ἐστὶ καὶ τὸ Μουσεῖον, ἔχον περίπατον καὶ ἐξέδραν καὶ οἶκον μέγαν, ἐν ᾧ τὸ συσσίτιον τῶν μετεχόντων τοῦ Μουσείου φιλολόγων ἀνδρῶν. ἔστι δὲ τῇ συνόδῳ ταύτῃ καὶ χρήματα κοινὰ καὶ ἱερεὺς ὁ ἐπὶ τῷ Μουσεῖῳ τεταγμένος τότε μὲν ὑπὸ τῶν βασιλέων, νῦν δ' ὑπὸ Καίσαρος ¹⁰⁵⁾.

Немногія строки эти, важныя для насъ, какъ сообщеніе человѣка, писавшаго на основаніи автопсіи, представляютъ въ сущности бѣглую замѣтку ученаго туриста, для котораго вопросъ о музеѣ имѣлъ третьестепенное значеніе. Страбонъ

¹⁰⁴⁾ Plut. de Alex. s. virt. s. fort. or. I, 6. Срв. также извѣстные афоризмы Марка Аврелія: ζῆσον—ὡς ἐν πόλει τῷ κόσμῳ, ὁ κόσμος ὡσανεὶ πόλις, ἀνθρώπων πολιτὴν ὄντα πόλεως τῆς ἀνωτάτης ἢς αἱ λοιπαὶ πόλεις ὡσπερ οἰκίαι εἰσὶν (Zeller III, 1², стр. 277 сл.).

¹⁰⁵⁾ Strab. XVII p. 794. См. ссылку на „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1890, XII, въ началѣ этой главы.

упоминаетъ объ этомъ учрежденіи, потерявшемъ уже въ его время обаяніе прежней славы, лишь вскользь, мимоходомъ, какъ объ одной изъ многихъ достопамятностей описываемаго города. Отсюда—нѣкоторая неполнота и неясность приведеннаго свидѣтельства. Въ самомъ дѣлѣ, какое представленіе о музеѣ можно составить на основаніи страбоновыхъ словъ? Было ли это сооруженіе, предназначенное для совмѣстной жизни ученыхъ, состоявшихъ въ званіи членовъ музея, или же только какъ бы присутственное мѣсто, гдѣ происходили ученыя бесѣды и диспуты и велось преподаваніе? Какъ понимать выраженіе «οἶκος μέγας»? Былъ ли это отдѣльный покой, родъ обширной столовой,—«der für die gemeinschaftlichen Mahlzeiten bestimmte grosse Saal» (Parthey), «une salle qui se distinguait par son étendue et qu'on appelait la grande maison», «une salle à manger» (Matter), или же это былъ цѣлый домъ, одно изъ помѣщеній котораго было отведено подъ общую столовую?

Я склоняюсь на сторону послѣдняго пониманія и предлагаю читать въ приведенномъ текстѣ: καὶ οἶκον μέγαν, ἐν ᾧ καὶ τὸ συσσίτιον. Я полагаю; что въ страбовомъ описаніи περίπατος и ἐξέδρα суть, такъ сказать, мѣста отправления официальной миссіи членовъ музея,—мѣста ихъ занятій. Какъ во всякой греческой гимназіи философское преподаваніе сосредоточивалось именно въ открытыхъ портикахъ, въ аллеяхъ парка (περιδρομίδες, περίπατοι) и т. п., и какъ впослѣдствіи въ извѣстныхъ философскихъ школахъ Аѳинъ περίπατος и ἐξέδρα были любимыми мѣстами ученыхъ бесѣдъ главы школы со своими учениками,—такъ и въ александрийскомъ музеѣ, устроенномъ по готовому шаблону названныхъ школъ, части эти функционировали въ качествѣ лекторіи и зала засѣданій. Напротивъ, οἶκος μέγας, о которомъ говоритъ далѣе Страбонъ, представлялъ собою строеніе, имѣвшее болѣе частный характеръ. Здѣсь обитали члены музея; здѣсь же, можетъ быть, имѣли мѣстопробываніе и тѣ магистраты коллегіи, на обязанности которыхъ лежало завѣдываніе экономическою частью, веденіе счетовъ, храненіе

казеннаго инвентаря ¹⁰⁶⁾ и т. п.; здѣсь наконецъ находилась и общая столовая (τὸ συσσίτιον),—одна или даже нѣсколько комнатъ, гдѣ на счетъ Птолемеевъ сервировался обѣдъ для членовъ ученой коллегіи. Страбонъ могъ отмѣтить въ своемъ описаніи эту часть жилыхъ апартаментовъ въ виду той широкой извѣстности, которою пользовалась пресловутая «ἡ ἐν Μουσείῳ σίτησις».

Выходить такимъ образомъ, что слово συσσίτιον въ нашемъ текстѣ должно означать не «совмѣстную трапезу», но «мѣсто трапезы». Подобное значеніе это слово имѣетъ у Платона Legg. p. 762 C: πρῶτον μὲν δὴ καθ' ἑκάστους τοὺς τόπους εἶναι ξυσσίτια ἐν οἷς κοινῇ τὴν διαίταν ποιητέον ἅπασιν». Срв. также id. Critias p. 112 B.

Сообразно съ этимъ я думаю, что александрійскій музей былъ такимъ же интернатомъ, какимъ былъ и его прототипъ,—музей Теофраста. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли возможно допускать, что учрежденіе это представляло собою, такъ сказать, родъ обширнаго ученаго кабинета или лабораторіи, гдѣ каждый членъ коллегіи могъ найти лишь потребныя для его ученыхъ работъ пособія и откуда онъ, какъ только дѣловой день кончался, долженъ былъ тотчасъ же удаляться. Не слѣдуетъ забывать, что члены музея были собственно гости своихъ державныхъ покровителей, что многіе изъ нихъ пріѣзжали въ Египетъ не надолго, какъ напр. Менедемъ, Тимонъ и др., и что самый музей, по словамъ Страбона, былъ частью дворца,—частью, разумѣется, специально предназначенною для этихъ гостей, которымъ Птолемѣи желали предоставить всѣ необходимыя жизненные удобства и полную свободу занятій. Примѣръ пифагорейцевъ, перипатетиковъ, эпикурейцевъ, жившихъ вмѣстѣ въ своихъ музеяхъ,

¹⁰⁶⁾ Въ еерскомъ музеѣ экономъ носилъ названіе ἀρτογῆς, секретарь и архиваріусъ—γραμματοφύλαξ (SIG. II, 1 p. 361). Въ музеѣ Теофраста лицо, завѣдывавшее сисситіями, именовалось ὁ ἐπὶ τῆς ἐδοκομίας; существованіе протоколиста (γραμματεὺς) и казначея (ταμίης), хотя и не подтверждается прямыми свидѣтельствами нашихъ источниковъ, однако также представляется вѣроятнымъ. Подобныя должности и названія были, конечно, и въ Александρίи (ταμίαι упоминаются у Аэенія XI p. 493).

также не могъ, конечно, остаться безъ вліянія на Птолемѣя Лага и Деметрія фалерскаго, которые тѣмъ скорѣе должны были подумать объ устройствѣ общежитія при александрійскомъ музеѣ, что члены послѣдняго были чужестранцами, не имѣвшими въ Египтѣ осѣлости.

Къ этому можно присоединить и еще одно замѣчаніе. Какъ извѣстно, Тимонъ фліунтскій, побывавшій при дворѣ Птолемѣя II, посвятилъ александрійскому музею и его порядкамъ злую эпигramму, сохраненную намъ Аѳенеемъ ¹⁰⁷⁾. Здѣсь онъ сравниваетъ учрежденіе это съ клѣткою, въ которой непрерывно грызутся между собою нѣсколько бумагомарателей (βιβλιακοὶ χαρακῆται). Выраженіе *τάλαρος*, употребленное въ этомъ случаѣ Тимономъ, очевидно, могло имѣть отношеніе лишь къ постоянному, а никакъ не временному пребыванію ученыхъ въ музеѣ,—иначе оно не имѣло бы смысла, и вся соль эпиграммы потеряла бы свою силу. Нѣтъ сомнѣнія, что не столько ученый задоръ, сколько именно видимая зависимость отъ милостей правителя, на изживеніи котораго члены музея проживали, могла быть антипатична знаменитому силлогграфу, который потому то и не захотѣлъ остаться въ Александріи ¹⁰⁸⁾, несмотря на всѣ настоянія Филадельфа.

Музей занималъ мѣсто въ ряду тѣхъ построекъ, которыя располагались вдоль Большаго Порто (*Portus major*), къ западу отъ мыса Лохія, и въ своей совокупности составляли обширный кварталъ дворцовыхъ зданій ¹⁰⁹⁾. Съ внѣшней

¹⁰⁷⁾ Athen. I p. 23: ὅτι τὸ Μουσεῖον ὁ Φιλίστιος Τίμων, ὁ συλλογράφος, *τάλαρόν* που φησὶν, ἐπισκόπων τοὺς ἐν αὐτῷ τρεφόμενους φιλοσόφους, ὅτι ὥσπερ ἐν πανάγρῳ τινὶ σιτοῦνται, καθάπερ οἱ πολυτιμώτατοι ὄρνιθες·

πολλοὶ μὲν βόσκονται ἐν Αἰγύπτῳ πολυφύλῳ

βιβλιακοὶ χαρακῆται, ἀπειρίτα θηριόωντες

Μουσείων ἐν τάλάρῳ.

¹⁰⁸⁾ Matter (op. l. I p. 92), дѣлая подобное же замѣчаніе, прибавляетъ: „l'institution elle même en manquait, si ses membres ne se réunissaient au Musée que pour y manger, discuter et se promener“.

¹⁰⁹⁾ Для болѣе точнаго описанія музея у насъ положительно нѣтъ данныхъ. Мы можемъ составить себѣ извѣстное представленіе о немъ главнымъ образомъ на основаніи Витрувія, который въ своемъ трактатѣ:

стороны онъ долженъ былъ представлять красивое сооруженіе, увѣнчанное куполомъ, украшенное, какъ большинство памятниковъ древне-греческой архитектуры, колоннадою и окруженное разнаго рода службами, дворами, парками, садами и проч., что все вмѣстѣ, разумѣется, имѣло весьма внушительный видъ и солидные размѣры ¹¹⁰⁾. При этомъ заботливость Птолемеевъ снабдила музей всѣмъ, что было необходимо для удовлетворенія тѣхъ требованій, какія могъ въ то время предъявить къ подобному учрежденію ученый изслѣдователь. Великій Александръ, истратившій до восьмисотъ талантовъ на собираніе научныхъ матеріаловъ для Аристотеля и заставившій служить этой благородной цѣли до тысячи человекъ ¹¹¹⁾, подалъ примѣръ, не оставшійся безъ подражанія. Птолемѣи пошли по его слѣдамъ и сумѣли создать въ Александріи рядъ самыхъ благоприятныхъ условий для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, поднятой на небывалую дотолѣ высоту всеобъемлющимъ геніемъ названнаго философа. Они устроили анатомическій кабинетъ, въ которомъ работали со своими учениками Герофилъ и Эрасистратъ, эти достойные послѣдователи Гиппократы и Діокла каристійскаго, творцы семіотики. Они собрали въ садахъ музея богатѣйшую коллекцію рѣдкихъ растений и всевозможныхъ видовъ животнаго царства ¹¹²⁾, послужившую для естествен-

„de cavis aedium s. atriis, de alis, tablino et peristyllo, de tricliniis, oecis, exedris, pinacothecis et eorum dimensionibus“ etc. (VI, 3) указываетъ на нѣкоторыя подходящія сюда черты. Но картина, составленная изъ этихъ чертъ, во всякомъ случаѣ будетъ свободною композиціею.

¹¹⁰⁾ „An kühlen Springquellen unter dichtbelaubten Bäumen darf kein Mangel sein in einer Stadt wie Alexandrien, deren mittlere Temperatur nicht weit von +17° R. ist“. (Parthey, op. l. p. 54).

¹¹¹⁾ Plin. H. N. VIII, 16, 17; Athen. IX p. 398 e.: *ὀκτακόσια γὰρ εἰληγμένα τέλαντα παρ' Ἀλεξάνδρου τὸν Σταγίρειτον λόγος ἔχει, εἰς τὴν περὶ τῶν ζώων ἱστορίαν.*

¹¹²⁾ Птолемѣи II, лично интересовавшійся изученіемъ природы, организовалъ нѣсколько охотничьихъ экспедицій въ южный Египетъ вплоть до Эѳіопіи, и экспедиціи эти значительно расширили кругъ географическихъ, этнографическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній. Strab. XVII p. 789; Athen. V p. 200 f, 201 a sqq.; особенно Diodor. Sic. III, 36: *ὁ γὰρ δευτέρως Πτολεμαῖος περὶ τὴν τῶν ἐλεφάντων κνηγίαν φιλοτιμηθεὶς καὶ τοὺς τὰς παραδόξους εἰρήρας τῶν ἀλχιμωτάτων ζώων ποιοῦμένους μεγάλας*

но-историческихъ работъ Стратона. Они сдѣлали все, чтобы облегчить производство астрономическихъ наблюдений, и дали возможность Аристиллу, Тимохариту, Аристарху самосскому, Конону, Гишарху и др. обогатить астрономію цѣлымъ рядомъ важныхъ открытій. Они не переставали содѣйствовать успѣхамъ народовѣдѣнія и землеописанія путемъ снаряженія специальныхъ ученыхъ экспедицій въ чужія страны ¹¹³). Наконецъ, они затрачивали несмѣтныя денежныя средства на приобрѣтеніе литературныхъ сокровищъ, предприняли переводъ на греческій языкъ важнѣйшихъ памятниковъ письменности востока ¹¹⁴) и тѣмъ немало способствовали разработкѣ вопросовъ исторіи, въ области которой здѣсь подвизались такіе писатели, какъ Манеѳонъ, Тимагенъ, Филонъ, Апіонъ, Гермиппъ и др.

Словомъ александрійскій музей былъ истиннымъ храмомъ науки, культъ которой отправлялся здѣсь коллегіею лицъ

ἀπονέμων δωρεάς, πολλὰ δὲ χρήματα δαπανήσας εἰς ταύτην τὴν ἐπιθυμίαν, ἐλέφαντάς τε σοχοῦς πολέμιστάς περιποιήσατο, καὶ τῶν ἄλλων ζώων ἀθεωρήτους καὶ παραδόξους φύσεις ἐποίησεν εἰς γνώσιν ἐλθεῖν τοῖς Ἕλλησι; *ibid.* с. 37, 42. *Plin. H. N. VI* с. 21. Данныя, сообщаемыя этими и нѣкоторыми другими авторами (напр. Арріаномъ, Артемидоромъ и др.), едва ли позволяютъ считать вмѣстѣ съ Бернгарди (*Grundr. der gr. Lit.* I² стр. 451) соответствующія рубрики въ сочиненіяхъ Клиппеля, Партеля и Маттера за „unbegründete Hypothesen“ и „Phantasien“.

¹¹³) Потребныя для географическихъ справокъ карты и глобусы, разумѣется, имѣлись въ одномъ изъ портиковъ учрежденія. Подобныя „πίνακες ἐν οἷς αἱ τῆς γῆς περίοδοι εἰσιν“ упоминаются въ завѣщаніи Теофраста (*Dig. L. 1. 1.*). Они были въ употребленіи у грековъ уже со временъ Анаксимандра.

¹¹⁴) Свидѣтельства древности относительно предпринятыхъ Птолемѣями переводовъ съ иностранныхъ языковъ на греческій чрезвычайно разнорѣчивы, и здѣсь не мѣсто пускаться въ критику ихъ. Страбонъ упоминаетъ о переводѣ хронологическихъ и астрономическихъ трактатовъ египетскихъ ученыхъ. Евсевій и св. Епифаній привлекаютъ сюда не только литературу Египта, но и важнѣйшія произведенія письменности индусовъ, персовъ, эламитянъ, вавилонянъ, ассиріянь, финикіянь, евреевъ и римлянъ. Что персидскія книги дѣйствительно были переведены, на это указываетъ одно мѣсто у Плинія (*H. N. XXX 1, 4.*). См. *Ritschl Corollarium disputationis de bibl. alex.* р. 42 (противъ него *Preller Jahrb. f. class. Philol.* 1836 стр. 170; въ пользу Ричля—*Droysen Hellenism.* III, стр. 50, прим.).

съ громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ и былъ обезпеченъ богатѣйшими матеріальными средствами.

Въ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, каковы были эти средства. Страбонъ говоритъ объ этомъ предметѣ довольно глухо. Изъ его словъ явствуетъ только, что учрежденіе располагало какими то особыми денежными суммами ¹¹⁵⁾, составлявшимися, вѣроятно, частью изъ доходовъ съ определенной собственности, которая могла быть утверждена за музеемъ уже его основателемъ Птолемеемъ I-мъ, частью же изъ денежныхъ взносовъ, поступающихъ въ кассу музея отъ получавшихъ въ немъ свое образованіе юношей (*ἐπιχειροῦντες*). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что складчины между членами коллегіи, характеризующей каждый такъ называемый *ἔρανος*, здѣсь не бывало. Ассигнованныя суммы были весьма значительны: ихъ доставало и на ремонтъ зданій, и на пополненіе ученыхъ коллекцій, и на содержаніе многочисленнаго штата прислуги, и на расходы по устройству общаго стола для членовъ музея, и на жалованье этимъ членамъ, труды которыхъ всегда исправно и щедро оплачивались ¹¹⁶⁾. Притомъ это были суммы постоянныя, регулярныя, и въ години самыхъ жестокихъ бѣдствій музеевъ продолжалъ ими располагать. Иначе было бы совершенно непонятно, какъ могъ онъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, просуществовать около шести столѣтій, вплоть до 273 г. нашей эры, когда весь Брухій былъ превращенъ въ

¹¹⁵⁾ Strab. I. c. *ἔστι δὲ τῇ συνόδῳ καὶ χρήματα κοινά*. Подобнымъ образомъ существованіе египетскаго музея по завѣщанію Эпиктеты было обезпечено суммою въ 3000 драхмъ: A 24 слл. *δομέν τῷ κοινῷ τοῦ ἀνδρείου δραχμαὶ τρισχίλιας* [ἐς conj. B. Keil Hermes 1888 стр. 295 прим.] *πρόθετον, ἀφ' οὗ συναχθήσονται*.

¹¹⁶⁾ Извѣстный анекдотъ о Сосибіѣ (у Аеенея XI р. 493 f.) свидѣтельствуетъ о томъ, что члены александрійскаго музея получали определенное жалованье и у казначеевъ учрежденія хранились особые для этого списки ихъ (*τὰ βιβλία ἐν οἷς αἱ ἀναγραφαὶ εἰσι τῶν τὰς συντάξεις λαμβανόντων*). Суммы, выплачиваемыя ученымъ, иногда бывали громадны. Такъ Страбонъ, бывшій однимъ изъ воспитателей Филадельфа, получилъ отъ отца его 80 талантовъ (Diog. L. V, 58). Эвергетъ I ассигновалъ Панарету, ученику Аркесилая, 12 талантовъ въ годъ (Athen. XII р. 552 с.).

грудю развалинъ солдатами Аврелиана, осадившаго Александрію.

Какъ сказано выше, во главѣ музея стоялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей жречества, который въ надписяхъ императорскихъ временъ именуется «ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης». Этотъ духовный сановникъ занималъ такимъ образомъ положеніе президента коллегіи (ἀρχων, ἐπιστάτης) и, слѣдовательно, соотвѣтствовалъ еерскому ἐπίσκοπος. Въ его распоряженіи, быть можетъ, находился небольшой штатъ лицъ, помогавшихъ ему при отправленіи требуемаго культомъ чина, — нѣчто вродѣ еерскихъ ἐπιμήνιοι, — и вѣдавшихъ сообща съ нимъ все, что относилось къ святилищу музъ и обоготворенныхъ Птолемеевъ (οἱ ἡρώεσται) ¹¹⁷). Неизвѣстно подлинно, пользовался ли онъ при этомъ дѣйствительнымъ вліяніемъ и на дѣла музея, или же главенство его было только номинальнымъ и представляло собою одну изъ тѣхъ почетныхъ должностей, съ которыми обыкновенно не соединяется никакихъ фактическихъ правъ и обязанностей. Последнее можетъ казаться довольно вѣроятнымъ въ виду того непосредственнаго участія, какое принимали въ судьбахъ музея сами Птолемэи, его фактическіе ἄρχοντες. Весьма естественно, что ихъ прямое вмѣшательство во всѣ дѣла, касавшіяся этого учрежденія, до значительной степени ограничивало свободу дѣйствій его официального председателя и низводило послѣдняго на уровень простаго подручника державныхъ покровителей александрійской ученой коллегіи. Этимъ объясняется, быть можетъ, и то обстоятельство, что источники наши сохранили намъ, — и

¹¹⁷) Ἐπίσκοπος въ еерскомъ музеѣ и самъ принималъ непосредственное участіе въ жертвоприношеніи, какъ явствуетъ изъ словъ надписи [F 20]: ὅστις θυσεῖ τὰς θυσίας. Предполагать здѣсь ошибку, какъ дѣлаетъ В. Keil l. c., врядъ ли основательно. — Догадку нашу относительно существованія въ музеѣ александрійскомъ кромѣ верховнаго жреца, председателя коллегіи, подручныхъ младшихъ жрецовъ, соотвѣтствующихъ вышеупомянутымъ ἐπιμήνιοι, подтверждаетъ, быть можетъ, Artemidor. Ephes. ap. Marcian. Heracl. in Geogr. min. ed. Hudson I p. 62 (цит. Parthey): καὶ μετ' ἐκείνων Ἐρατοσθένης ὃν βῆτα ἐκάλεσαν οἱ τοῦ μουσείου προστάντες.

то случайно,—единственное только имя изъ длиннаго списка жрецовъ, стоявшихъ во главѣ музея втеченіе нѣсколькихъ столѣтій ¹¹⁸⁾),—обстоятельство, которое было бы по меньшей мѣрѣ странно, если бы жрецы эти въ исторіи учрежденія играли существенно важную роль.

Впрочемъ, если такая роль и не была ихъ удѣломъ, то прикосновенность ихъ къ музею во всякомъ случаѣ имѣла большое вліяніе на его положеніе. Во первыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ качествѣ эпистолографовъ они занимали въ ряду близкихъ къ особѣ государя лицъ первое мѣсто,—были его совѣтниками, министрами и секретарями (срв. Franz. C. I. G. III, 2 pp. 289 sq., 307 sq.). Во вторыхъ, какъ лица, облеченныя духовнымъ саномъ, они сообщали музею нѣкоторый религіозный авторитетъ. Ихъ присутствіе въ составѣ членовъ учрежденія какъ бы выдвигало на первый планъ его назначеніе служить высшимъ органомъ культа музъ, поклоненіе которымъ всегда связано было съ поклоненіемъ высшимъ божествамъ греческаго пантеона. Если вспомнимъ, какъ сильно было вліяніе жречества въ Египтѣ, какую широкую область вообще занимали религіозные вопросы въ духовной жизни египтянъ, то само собою возникнетъ предположеніе, что, быть можетъ, именно въ виду этого Птолемѣи съ самаго начала рѣшили поставить высшее ученое учрежденіе страны подъ протекторатъ духовной особы. Со свойственною имъ ловкостью они воспользо-

¹¹⁸⁾ Это имя—Л. Ю. Вестинъ: *ἀρχιερεὶς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης Ἀεολίῃ Ἰουλίῃ Οὐδαστείνῃ καὶ ἐπιστάτῃ τοῦ Μουσείου καὶ ἐπὶ τῶν ἐν Ῥώμῃ βιβλιοθηκῶν ῥωμαϊκῶν τε καὶ ἑλληνικῶν καὶ ἐπὶ τῆς παιδείας Ἀδριανοῦ ἐπιστολεὶ τοῦ αὐτοῦ αὐτοκράτορος* (C. I. Gr. 5900). Вслѣдъ за Летроннемъ всѣ изслѣдователи на основаніи этой надписи полагаютъ, что упоминаемый въ ней первосвященникъ Александріи и всего Египта при Птолемѣяхъ былъ непременно изъ грековъ, а въ періодъ римскаго владычества—изъ римлянъ. Но это не болѣе, какъ домыселъ, и заключеніе отъ временъ Гадріана ко временамъ македонскимъ построено на шаткомъ основаніи. Самый титулъ духовнаго лица, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, врядъ ли звучалъ въ III стол. до Р. X. такъ, какъ онъ приведенъ въ надписи: централизація культа въ Египтѣ есть, по всей вѣроятности, уже дѣло римскихъ императоровъ, значительно расширившихъ компетенцію александрійскаго первосвященника. См. Wilcken Hermes XXII стр. 1 сл., XXIII стр. 601 сл.

вались для этой цѣли существовавшимъ въ Греціи обычаемъ апофеоза умершихъ,—обычаемъ, столь близко напоминавшимъ извѣстное почитаніе такъ наз. «ка» въ Египтѣ ¹¹⁹⁾. Культы Софокла, Платона, Аристотеля, Эпикура, Фэника съ его семьею и мн. др., локализованные въ учрежденныхъ этими лицами или ихъ наслѣдниками музеяхъ ¹²⁰⁾, представляли нѣчто такое, къ чему легко могъ примкнуть культъ великаго Александра и Птолемеевъ въ музеѣ александрийскомъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что обязанности президента въ послѣднемъ могъ исполнять не непременно грекъ, а и эллинически образованный египтянинъ,—и это тѣмъ скорѣе, что въ Египтѣ наука культивировалась преимущественно кастою жрецовъ, искони призванныхъ въ этой странѣ служить хранителями всѣхъ сокровищъ знанія. Во первыхъ, подобное допущеніе вообще ничуть не противорѣчило бы духу принятой Лагидами политики, а во вторыхъ,—оно вполне оправдывалось бы и стародавнимъ египетскимъ установленіемъ, въ силу котораго жрецами умершихъ царей должны были быть знатнѣйшіе и заслуженнѣйшіе изъ представителей жречества въ странѣ. Что же касается внутреннихъ препятствій, то ихъ оно также, пожалуй, не встрѣтило бы. Та нетерпимость, съ которою нѣкогда относились египтяне ко всему не-египетскому, чужеземному, мало по малу стала терять свой острый характеръ уже со временъ сантской династіи и наконецъ подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній съ греками совсѣмъ исчезла. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на религію египтянъ

¹¹⁹⁾ E. Meyer Gesch. des Alterthums. I (1884), § 64.

¹²⁰⁾ О музеѣ Софокла см. Westermann Vitarum scriptt. gr. p. 128: *φῆσι δὲ καὶ Ἰστὸς—αὐτὸν—ταῖς Μουσαῖς δίδασκον ἐκ τῶν πεπαιδευμένων συναγωγῶν*; подробности о его культѣ см. Roscher Lexic. p. 2536 sqq.—Культъ Платона *ibid.* p. 2534 sq.; Wilamowitz Antigon. p. 279 sqq.—Объ Аристотелѣ срв. выше стр. 59 сл. Эпикуръ въ своемъ завѣщаніи вмѣнялъ въ обязанность наслѣдникамъ своимъ правильно совершать въ опредѣленные сроки тризну по немъ, по его родителямъ и брату, причемъ мѣстомъ собраній, производившихся съ этою цѣлью, служили, разумѣется, его „сады“ (*κῆποι Ἐπικούρου*), къ которымъ мы до извѣстной степени вправѣ примѣнить наименование „музей“.—Фэникъ—супругъ Эпиктеты.

легъ замѣтный отпечатокъ той теокрасіи, дѣйствию которой въ разсматриваемую эпоху вообще подверглись вѣрованія всѣхъ древнихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, произошелъ коренной переворотъ. Если прежде нигдѣ съ такою рѣзкостью не проявлялись расовыя противоположности и племенные особенности, какъ именно на почвѣ религіозныхъ отличій, то теперь этого уже не было. Теперь Гадесъ могъ переселиться изъ Синопы въ Александрію и подъ новымъ именемъ «Сераниса» получать здѣсь поклоненіе и отъ египтянъ, и отъ грековъ ¹²¹). Представители самыхъ различныхъ народностей могли теперь соединяться въ стѣнахъ одного и того же храма и чествовать однихъ и тѣхъ же боговъ. Родственные культы сближались и отождествлялись, косныя формы священнаго ритуала модифицировались ¹²²). Такимъ образомъ врядъ ли египетскій жрецъ при столь измѣнившихся обстоятельствахъ могъ почестъ чѣмъ то для себя предосудительнымъ, чѣмъ то несогласнымъ со своимъ достоинствомъ почетное предѣдательство въ греческомъ музеѣ. Невозможно думать, что подъ гнетомъ персидскаго владычества жреческая каста въ Египтѣ ничего не забыла и ничему не научилась. Съ другой стороны Птолемѣи хорошо понимали, что эта каста продолжала еще сохранять свое вліяніе на массу населенія, и потому не упускали изъ виду ничего, чтобы привлечь на свою сторону столь могущественную политическую силу. Они возвратили жречеству многія изъ его прежнихъ привилегій, жертвовали на надобности

¹²¹) Plut. de Is. et Osyr. c. 28. Въ торжественной процессіи перенесенія статуи бога участвовали грекъ Тимофей и египтянинъ Манеонъ.

¹²²) Дройзенъ (L'hellénism. III p. 48) указываетъ на два яркіе примѣра, сюда относящіеся. Со временъ македонскаго владычества при древнемъ храмѣ Сераниса и Исиды въ Мемфисѣ появляются гіеродулы—женщины,—институтъ, дотошъ отсутствовавшій въ египетскомъ культѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу атрибутовъ этихъ божествъ прибавляется корзина (κλάδος), прямо заимствованная изъ аттического поклоненія Деметрѣ, въ обрядахъ которой названный атрибутъ занимаетъ видное мѣсто.—„Jusque dans l'intérieur des temples où étaient gardées les collections de livres sacrés, on voit des Grecs occuper certaines fonctions religieuses“ (Egger Hist. de la critique, p. 382).

мѣстнаго культа громадныя суммы денегъ изъ собственной казны ¹²³⁾ и поддерживали дружескія связи съ наиболѣе вліятельными и видными представителями класса служителей алтаря. Многія свѣтила египетской науки дѣлали для нихъ историческія розысканія въ храмовыхъ архивахъ и имъ посвящали свои ученые трактаты ¹²⁴⁾. Что же мудренаго, если нѣкоторыя изъ этихъ свѣтилъ стали ближе къ основанному Птолемѣями ученому учрежденію и числились даже въ спискъ его президентовъ?

Назначеніе завѣдующаго музеемъ лица всегда зависѣло отъ государей Египта и въ послѣдствіи, какъ большая часть ихъ правительственныхъ функцій, перешло къ римскимъ императорамъ въ качествѣ неотъемлемаго права послѣднихъ. Какъ вездѣ на востокѣ, *ἀρχιερωσύνη* была пожизненною, а слѣдовательно и завѣдываніе музеемъ, вѣроятно, было таково же. Подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, до самой смерти своей оставался безсмѣннымъ и главный библіотекаръ въ Александріи. Самый порядокъ опредѣленія на должность президента ученой коллегіи намъ, къ сожалѣнію, ближайшимъ образомъ неизвѣстенъ. Вилкенъ утверждаетъ, что при Птолемѣяхъ въ Египтѣ царила весьма беззастѣнчивая симонія, причемъ жреческія мѣста распредѣлялись между претендентами посредствомъ продажи съ публичнаго торга, — порядокъ, удержавшійся затѣмъ и въ римскія времена ¹²⁵⁾. Примѣнялся ли тотъ же принципъ и въ нашемъ случаѣ, или же на этотъ счетъ существовали особыя правила, — будетъ,

¹²³⁾ Птолемѣй Сотеръ ассигновалъ на погребеніе Анниса 50 талантовъ серебра. Птолемѣй Филадельфъ лично посѣтилъ Оивы и воздвигъ нѣсколько храмовъ въ честь египетскихъ божествъ.

¹²⁴⁾ Fabricius (Bibl. Gr. I, p. 99 sq.) упоминаетъ „Μελάμπωδος ἱερογραμματέως περὶ παλμῶν μαντικῇ πρὸς Πτολεμαῖον βασιλέα“. „Melampus initio libelli plures se libros Ptolemaeo obtulisse ex arcanis columnis descriptos et excerptos significat his verbis: ὅσα μὲν ταῖς ἐμπροσθεν βιβλοῖς, κράτιστε βασιλεῦ Πτολεμαῖε, συνέγραψά σοι ἐκ τῶν ἀδύτων στηλῶν τὰ τέρατα σημειωσάμενος καὶ τὰ σύμβολα συνέγραψα, ἐπεὶ δὲ καὶ νῦν ἀπέστειλάς μοι συγγράψασθαι σοι περὶ τῶν γιγνομένων παλμῶν ἐν τοῖς μέλεσι τῶν ἀνθρώπων“ κтѣ.

¹²⁵⁾ Wilcken Kaiserliche Tempelverwaltung in Aegypten (Hermes. 1888 стр. 594 сл.).

можетъ быть, видно тогда, когда наконецъ появятся въ печати самые тексты, на которые ссылается названный ученый. Покамѣстъ можно лишь замѣтить, что вообще обычай продавать жреческія мѣста, о которомъ изъ древнихъ авторовъ упоминаетъ Діонисій Галикарнассскій, былъ довольно широко распространенъ въ Греціи во времена политической зависимости ея отъ македонянъ, какъ то несомнѣнно доказывается цѣлымъ рядомъ вновь найденныхъ надписей ¹²⁶⁾; но позволительно сомнѣваться, чтобы Птолемѣи слѣдовали этому выгодному обычаю даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о назначеніи полномочнаго министра и государственнаго секретаря, каковымъ былъ «ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας» ¹²⁷⁾.

Что касается числа постоянныхъ членовъ музея, то врядъ ли оно когда либо было ограничено извѣстнымъ штатомъ. При Сотерѣ оно, повидимому, не превышало пятнадцати, но, по мѣрѣ того, какъ померкала слава прочихъ школъ Греціи, приливъ свѣжихъ ученыхъ силъ въ Александрію все болѣе и болѣе возрасталъ. Не всѣ впрочемъ изъ членовъ музея оставались въ немъ навсегда. Многіе пріѣзжали въ Египетъ на непродолжительное время и лишь временно занимали почетное мѣсто среди ученой александрійской коллегіи. Другіе имѣли несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Птолемеевъ и подвергались изгнанію, либо же при-

¹²⁶⁾ О продажѣ жреческихъ мѣстъ Dion. Hal. R. A. II, 21. Надписи, сюда относящіяся, см. у Hugo Herbrecht De sacerdotiis apud Graecos emptione venditione (Strassburg. 1885). Двѣ изъ нихъ—халкедонскія, одна—галикарнасская, одна—изъ окрестностей г. Kallatis, одна—изъ Эрпери, двѣ—съ острововъ Андра и Микона. Наиболѣе содержательна надпись эриерейская. Изъ нея мы узнаемъ, что купля производилась не только взрослыми, но и несовершеннолѣтними, что цѣны колебались между 10 и 4610 драхмами, что въ случаѣ смерти лица, откупившаго мѣсто, право преемства могло быть вновь перепродано (срв. Bruchmann Philol. Anz. XVI p. 435 sqq.), что установленныя пошлины при совершеніи акта продажи взимались въ размѣрѣ, соответствующемъ той суммѣ, на которую произведена была сдѣлка, и т. п.

¹²⁷⁾ Это впрочемъ, вѣроятно, не устраняло для лица, назначеннаго на этотъ постъ, необходимости уплатить при вступленіи въ должность извѣстную сумму денегъ, заносившуюся въ ту графу государственныхъ поступленій, которая обозначалась названіемъ τὸ τελεστικόν (срв. C. I. G. 4697, 16).

нуждены были покидать Александрію, потому что не умѣли поладить со своими учеными товарищами. Иные, несмотря на всѣ усилія и происки, никакъ не могли добиться чести быть принятыми въ число постоянныхъ членовъ музея. Вообще по всему можно заключить, что, если въ самомъ началѣ двери этого учрежденія были широко раскрыты для всѣхъ представителей литературы и науки, то мало по малу доступъ къ нему сдѣлался значительно труднѣе и всецѣло зависѣлъ отъ державной воли августѣйшаго покровителя музея. Личные вкусы и склонности лица, занимавшаго престолъ Птолемеевъ, повидимому отражались на составѣ покровительствуемой ими коллегіи. Такъ напр. Сотеръ отдавалъ явное предпочтеніе философамъ, и при немъ гедонизмъ Аристиппа имѣлъ въ Александріи двухъ представителей въ лицѣ Θεодора и Гегесія, а школы академиковъ и перипатетиковъ репрезентировались Менедемомъ и Стратономъ. Какъ извѣстно, онъ приглашалъ также къ своему двору Теофраста и мегарейца Сильпона,—обоихъ безъ успѣха. Филадельфъ напротивъ особенно благоволилъ къ поэтамъ и грамматикамъ и изъ числа первыхъ успѣлъ привлечь въ музей такіе таланты, какъ Филетъ косскій, Каллимахъ, Теокрытъ, Аратъ и др. На поприщѣ грамматики при немъ подвизались Зенодотъ, Сосибій, Дуридъ и (правда, временно) Зоилъ *ὁ ἡρωικός*. Преемники Филадельфа (Эвергетъ I, Филонаторъ, Филометоръ) снова возвратили философіи подобающее ей мѣсто въ музеѣ, и мы видимъ при нихъ въ стѣнахъ этого учрежденія Панарета, Сфера, Мнесистрата, Сатира и мн. др. Птолемей VII былъ страстнымъ приверженцемъ критико-филологическаго направленія, и въ его царствованіе безплодные словопренія по поводу критическихъ трудностей не только поглощали время и силы ученыхъ музея, но вошли въ моду и при самомъ дворѣ. Клеопатра (мать Птолемея VIII) покровительствовала географическимъ и естественно-историческимъ изысканіямъ и т. д.

Временемъ процвѣтанія музея былъ вѣкъ Птолемея II. Въ эту пору коллегія насчитывала въ числѣ своихъ членовъ,

по самому осторожному расчету современныхъ изслѣдователей, никакъ не менѣ пятидесяти человѣкъ, а, можетъ быть, и гораздо больше ¹²⁸). Къ тому же составъ ея былъ блестящій: достаточно указать на Каллимаха и Теокрита, на Зенодота и Сосибіа, на Герофила и Эрасистрата, на Аристилла, Тимохарита и Конона, не говоря уже о многихъ другихъ менѣ даровитыхъ дѣятеляхъ науки и литературы. И, если въ этой большой семьѣ не всегда царилъ миръ, не всегда молчали темныя побужденія и мелкія страсти, какъ свидѣтельствуешь разрывъ, происшедшій между Каллимахомъ и Аполлоніемъ, то въ ней все же никогда не терялась память о той великой цѣли, которую должно было преслѣдовать созданное Птолемѣями учрежденіе, и все, что только было замѣчательнаго и выдающагося въ ученой и художественной литературѣ александрійскаго періода, вышло изъ стѣнъ музея.

Было бы очень интересно знать, въ чемъ состояли обязанности членовъ музея и какъ протекали обычные ихъ занятія. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ недостаточно ясенъ, и мы не можемъ даже утверждать съ полною увѣренностью, существовала ли опредѣленная программа, регулировавшая эти занятія, или же они были совершенно свободны, неподчинены никакому плану, никакой системѣ. Отрывочныя показанія источниковъ нашихъ сводятся въ общемъ къ весьма скудному количеству положительныхъ данныхъ, почти не допускающихъ возможности собрать отдѣльныя черты въ одну мало-мальски цѣльную картину дѣловаго дня александрійскихъ ученыхъ. Такъ напр. мы знаемъ, что въ музеѣ помимо самостоятельной разработки науки шло преподаваніе, читались лекціи; но было ли чтеніе такихъ лекцій обязательно для всѣхъ членовъ учрежденія, или же оно предоставлялось на добрую волю каждаго изъ нихъ,—совершенно неизвѣстно. Мы знаемъ только, что слава александрійской

¹²⁸) Parthey (Das alexandr. Mus. стр. 58) доводитъ ихъ число до почтенной цифры ста человѣкъ. Matter (op. c. I, p. 102) останавливается на половинѣ этой цифры, да и половину принимаетъ за maximum.

ученой коллегіи гремѣла далеко за предѣлами Египта и что на приманку этой славы въ столицу Птолемеевъ стекались толпы любознательной молодежи со всѣхъ сторонъ, — изъ Азіи и съ европейскаго запада. Возможно, что для слушателей разныхъ возрастовъ существовали и разные курсы, такъ что, въ то время какъ самые юные ученики проходили элементы науки ¹²⁹⁾, ихъ старшіе товарищи подѣ опытнымъ руководствомъ своихъ наставниковъ справлялись уже съ болѣе сложнымъ учебнымъ матеріаломъ. При этомъ, повидимому, рядомъ съ дѣленіемъ на группы по возрасту существовало и дѣленіе по специальностямъ или, какъ бы мы теперь выразились, по факультетамъ: одни поступали въ музей, имѣя главнымъ образомъ въ виду изучать медицину и науки естественныя, для другихъ существенный интересъ заключался въ грамматическихъ и діалектическихъ упражненіяхъ, въ филологической критикѣ и экзегетикѣ, третьи желали заниматься преимущественно философіей и т. д. Такимъ образомъ лѣтопись этого учрежденія могла бы назвать намъ длинный рядъ именъ, изъ которыхъ одни принадлежали школѣ Каллимаха (οἱ Καλλιμάχαιοι) или Аристарха (οἱ Ἀριστάρχαιοι), другія связывались съ именемъ Герофила (догматисты) или Эрасистрата (эмпирики), третьи примыкали къ Эвклиду и т. п.

Преподаваніе велось въ тѣхъ формахъ, какія успѣли установиться въ аѳинскихъ философскихъ школахъ, т. е. либо въ формѣ живой бесѣды на научныя темы, либо же, какъ это было въ обычаѣ у перипатетиковъ, учитель излагалъ свой предметъ догматически, а слушатели записывали его лекціи. Къ этому присоединялось объясненіе литературныхъ памятниковъ, съ давнихъ поръ считавшееся могущественнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ, такъ какъ этическое толкованіе поэтовъ должно было останавливать вниманіе юношей на общихъ вопросахъ практической морали и такимъ образомъ готовить ихъ къ философскимъ занятіямъ. Гомеръ, Гесіодъ, Фокилیدъ, Θεογνίδъ и другіе пред-

¹²⁹⁾ См. Couat op. c. p. 17.

ставители эпоса и дидактической поэзии служили матеріаломъ для совмѣстнаго чтенія и давали обильную пищу для самыхъ разнообразныхъ толкованій, диспутовъ и разсужденій. Можно безъ преувеличенія сказать, что эти экзегетическія упражненія возведены были учеными музея на степень основнаго предмета преподаванія и частныхъ занятій. Повидимому, устраивались даже особыя засѣданія членовъ съ цѣлью разрѣшенія общими силами разнаго рода экзегетическихъ трудностей, и оживленныя пренія затягивались нерѣдко на цѣлые часы. Со свойственною натурѣ грека пытливостью толкователи никогда не удовлетворялись прямымъ, непосредственнымъ значеніемъ словъ, но старались отыскать въ нихъ самый глубокий, затаенный смыслъ и дать имъ самое широкое и общее объясненіе. Вещи ничтожныя и безразличныя казались этимъ придирчивымъ критикамъ загадочными и полными сокровенныхъ намековъ, случайныя противорѣчія въ текстѣ принимались за намѣренныя и т. п. Какъ было женское имя Ахилла въ то время, когда онъ въ женской одеждѣ скрывался между дочерьми Ликомеда? Отчего Гомеръ начинаетъ свою Иліаду словомъ «гнѣвъ»,—словомъ, составляющимъ дурное предзнаменованіе? Какъ могъ сынъ Пріама Антифонть, мѣтившій въ Аякса, попасть дротикомъ въ Левка, тогда какъ воины Одиссея отнюдь не могли стоять рядомъ съ воинами саламинскими? Отчего въ знаменитомъ каталогѣ кораблей Бэотія поставлена на первомъ мѣстѣ? Какъ могъ Посейдонъ произвести на свѣтъ такого безобразнаго сына, какъ циклопъ Полифемъ? Какимъ образомъ голова Горгоны могла находиться въ одно и то же время въ аду и на эгидѣ Зевса? Эти и подобные вопросы считались серьезными научными проблемами, требующими подробнаго разъясненія, и вызывали горячіе дебаты. Теперь мы смѣемся надъ такими безплодными и безцѣльными умствованіями, но въ эпоху александрійской учености къ нимъ относились, какъ къ серьезному занятію. Гомеровскіе вопросы признавались оселкомъ, на которомъ можно было изощрить свои критическія способности, свой діалектическій талантъ, свою

силу логическаго сужденія. Сосибій напр. приобрѣлъ громкую извѣстность тѣмъ, что путемъ простой перестановки словъ устранилъ нѣкоторыя трудности изъ текста Иліады. Софистъ Зоиль съ другой стороны прославился своимъ умѣньемъ изъ ничего создавать неодолимыя критическія затрудненія и видѣть непримиримыя противорѣчія тамъ, гдѣ непредубѣжденный читатель находилъ все въ совершенномъ порядкѣ. Громоздились томы на томы, комментаріи росли не по днямъ, а по часамъ, и увлеченіе энстатическою филологіею распространялось, какъ повальная болѣзнь.

Не всѣ впрочемъ и въ самомъ музеѣ раздѣляли это увлеченіе. Было немало разсудительныхъ грамматиковъ, предпочитавшихъ бесполезнымъ ухищреніямъ энстатики серьезную разработку науки о языкѣ и его формахъ, о сочетаніи словъ въ предложеніи, о слогуудареніи, объ отличіяхъ стихотворныхъ размѣровъ и проч. Они задумывались надъ тѣмъ, господствуетъ ли въ языкѣ шаткій и неопредѣленный принципъ, или же строгая послѣдовательность и законмѣрность, и для разрѣшенія этого вопроса съ неутомимымъ прилежаніемъ и изумительною настойчивостью собрали большой запасъ интересныхъ наблюденій. Они занялись также вопросомъ о происхожденіи человѣческой рѣчи, объ элементахъ слова, какъ чего то средняго между мыслимымъ и сущимъ, и объ отношеніи слова къ мысли. Они успѣли широко разработать выставленную первоначально стойками теорію надежей, установить основныя категоріи синтаксиса и утвердить довольно удачную терминологию, перешедшую черезъ посредство римлянъ и къ намъ. Цѣлый рядъ трактатовъ лексикологическаго содержанія, изслѣдованій въ области метрики и просодіи, ученыхъ разсужденій на темы фило-софской грамматики, сборниковъ и полемическихъ памфлетовъ былъ нагляднымъ результатомъ ученой дѣятельности этой школы «техниковъ» (τεχνικοί), какъ ихъ тогда называли.

Но не менѣе почтенны и, пожалуй, еще болѣе многочисленны были и работы «критиковъ» (κρίτικοί),—людей, посвятившихъ все свое вниманіе исправленію испорченнаго

текста древнихъ литературныхъ памятниковъ и установленію правильнаго чтенія ихъ. Чтобы назвать здѣсь лишь самыя значительныя имена, укажу на труды Зенодота эфесскаго, Аристофана византійскаго, Аристарха самоѳракійскаго и ихъ учениковъ. Во всеоружіи глубокаго знанія формальной стороны языка и обширныхъ антикварныхъ свѣдѣній, одушевленные горячею любовью къ дѣлу и твердою увѣренностью въ правильности своихъ методическихъ пріемовъ, эти ученые не оставили въ сторонѣ ни одного мало-мальски выдающагося поэта древности и много разъ провѣрили тексты Гомера, Гесіода, главнѣйшихъ лириковъ, трагиковъ и комиковъ. Какъ изумительны были размѣры дѣятельности этихъ неутомимыхъ тружениковъ науки, видно напр. изъ того, что Аристарху приписывалось до 800 свитковъ однихъ комментаріевъ и что кромѣ того ему принадлежало еще изрядное количество отдѣльныхъ монографій, имѣвшихъ частью положительный, частью полемическій характеръ. Онъ оставилъ послѣ себя до сорока учениковъ, которые отличались такою же плодотворностью и съ такимъ же рвеніемъ, какъ и ихъ наставникъ, защищали принципы своей школы. Одинъ изъ послѣдователей его направленія, по имени Дидимъ, дѣйствовалъ уже при Цицеронѣ и былъ авторомъ болѣе 3500 отдѣльныхъ сочиненій по разнымъ вопросамъ грамматики. Со свойственною школѣ Аристарха всесторонностью онъ затронулъ всѣ отдѣлы этой обширной дисциплины и напослѣдокъ, какъ говорятъ, даже самъ позабылъ многія изъ своихъ произведеній (βιβλιολάθας), — такъ они были разнообразны и многочисленны.

Но кромѣ филологовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова подъ сѣнью музея плодотворно дѣйствовали и многіе медики, математики и испытатели природы. Александръ ф. Гумбольдтъ говоритъ: «Послѣ того какъ втеченіе столькихъ вѣковъ, вплоть до самой той поры, когда на этомъ поприщѣ мощно выступилъ Аристотель, явленія природы, ускользая отъ зоркихъ наблюденій, въ своемъ истолкованіи были подчинены исключительному господству спекуляцій, произволу темныхъ гаданій и шаткихъ гипотезъ, теперь стало прояв-

латься болѣе высокое уваженіе къ эмпирическому знанію. Стали изслѣдовать и очищать тотъ матеріаль, которымъ обладали; натурфилософія, менѣе смѣлая въ своихъ умозрѣніяхъ и фантастическихъ построеніяхъ, вступила на вѣрный путь индукціи и приблизилась наконецъ къ пытливому эмпиризму»¹³⁰⁾). И въ этомъ нельзя не видѣть отчасти и вліянія той культурной среды, въ которой отнынѣ продолжается разработка научныхъ вопросовъ. По справедливому замѣчанію Гелльвальда, несмотря на греческія имена и греческій языкъ, въ александрійскомъ музеѣ царить уже иной, не-греческій духъ, а въ жилахъ дѣйствующихъ здѣсь ученыхъ течетъ по большей части чужая, не-греческая кровь. По части точныхъ наукъ греки всегда уступали своимъ восточнымъ сосѣдямъ, и теперь конечно не безъ воздѣйствія со стороны послѣднихъ стали обнаруживать вкусъ и интересъ къ этой области¹³¹⁾).

Помимо преподавательской и ученой дѣятельности, развивавшейся въ самыхъ стѣнахъ музея, многіе изъ его членовъ несли обязанности хранителей различныхъ коллекцій и смотрителей разныхъ вспомогательныхъ учреждений, съ нимъ болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ. Къ числу такихъ учреждений принадлежали напр. ботаническій и зоологическій сады, анатомическій кабинетъ, обсерваторія и знаменитая бібліотека.

¹³⁰⁾ Humboldt Kosmos.

¹³¹⁾ Hellwald Culturgesch. in ihrer natürlichen Entwicklung (2 Aufl. Augsburg. 1876). I, стр. 415: „Erst mit dem Museum beginnt, was man die griechische Wissenschaft zu nennen pflegt. Aber weder die griechischen Namen der daraus hervorgegangenen Gelehrten, noch die griechische Sprache, worin sie ihre Schriften abfassten, dürfen darüber täuschen, dass wir hier keinem wirklichen Hellenenthume mehr gegenüber stehen. So wie in der Kunst griechischer Geist allmählig auch die ägyptischen Künstler beseelte; so war ägyptische Priesterweisheit der Born, aus dem die alexandrinischen Hellenen sich Begeisterung tranken. Dazu rollte in ihren Adern vielfach fremdes Blut. Und dass in der That die uralte hamitische Cultur, welche zuerst die Welt mit festem Maasse und Gewicht beschenkt, es war, deren Wissensätze in das Alexandriner Museum so mächtig hineinragten, darauf weist gerade die vorzugsweise Pflege der exacten,—mathematischen und physikalischen,—Wissenschaften hin, worin die früheren Griechen von allen übrigen Culturvölkern namhaft überflügelt wurden“.

Собственно говоря, въ Александріи было двѣ библіотеки. Одна изъ нихъ, о которой мы упоминали выше, находилась въ Брухії и отличалась колоссальными размѣрами; другая была много бѣднѣе, состояла по большей части изъ дублетовъ первой и предназначалась, вѣроятно, для практическихъ цѣлей преподаванія. Она занимала помѣщеніе въ кварталѣ Ракотисъ, въ Серапеѣ, и развилась, повидимому, изъ архива, находившагося при этомъ храмѣ ¹³²). Основаніе ея приписывали тому же правителю, просвѣщенная дѣятельность котораго оставила и въ исторіи музея яркіе и неизгладимые слѣды,—Птолемѣю II Филадельфу, и въ шутку называли эту малую библіотеку дочерью большой. Кромѣ того впоследствии возникла еще библіотека въ Себастеѣ. О ней мимоходомъ упоминаетъ Филонъ, но Веск не признаетъ за нею самостоятельнаго значенія и отождествляетъ ее съ тою, которая находилась въ Брухії ¹³³).

Что касается устройства, плана и размѣровъ зданія этой послѣдней, то мы совершенно лишены какихъ бы то ни было указаній на этотъ счетъ. Страбонъ въ вышеприведенномъ сообщеніи своемъ о музеѣ обходитъ библіотеку молчаніемъ. Приходится такимъ образомъ, какъ это и дѣлало до сихъ поръ большинство изслѣдователей, занимавшихся нашимъ вопросомъ, комбинировать отрывочныя черты, свойственныя древнимъ библіотекамъ вообще, и данныя, почерпаемыя изъ позднѣйшихъ источниковъ, приурочивать *mutatis mutandis* къ александрійскимъ временамъ. Таковыми источниками на сей разъ оказываются Витрувій, Плиній, Авлъ-Геллій, Исидоръ,

¹³²) При каждомъ греческомъ храмѣ обыкновенно состоялъ архивъ, въ которомъ кромѣ официальныхъ бумагъ и документовъ иногда хранились и нѣвыя цѣнныя рукописи. Такъ напр. въ Эфесѣ при храмѣ Артемиды берегалось сочиненіе Гераклита „*περί φύσεως*“, въ Навкратисѣ по преданію—стихотворенія Гомера и т. п. Названіе этого рода архивовъ было *βιβλιοφυλάκιον*,—слово, встрѣчающееся, впрочемъ, не раньше александрійскихъ временъ (въ переводѣ семидесяти толковниковъ); см. Egger Callimaque considéré comme bibliographe (Annuaire de l'association pour l'encouragement des études gr. 1876. p. 70, n. 2).

¹³³) Срв. Parthey op. cit. p. 65.

нѣкоторые памятники искусства, находки, сдѣланныя въ Геркуланѣ и въ окрестностяхъ Аѳинъ ¹³⁴), и проч.

Vitruv-

Показанія Витрувія вдвойнѣ заслуживаютъ вниманія: во первыхъ, какъ заявляетъ и онъ самъ, произведеніе его цѣликомъ опирается на греческіе источники, и, вѣроятно, все то, что онъ говоритъ о библіотекахъ, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; во вторыхъ, правила, которыя онъ устанавливаетъ, вполне соответствуютъ тому, что намъ вообще извѣстно о сооруженіяхъ общественной пользы въ древней Греціи, гдѣ архитекторы всегда обращали серьезное вниманіе на выборъ мѣстности, на положеніе отдѣльных частей корпуса относительно странъ горизонта и т. п. ¹³⁵). Мы, стало быть, можемъ безъ оговорокъ воспользоваться слѣдующимъ мѣстомъ изъ его сочиненія «de architectura»: «спальни и библіотеки», говоритъ онъ, «должны быть обращены на востокъ; ихъ назначеніе требуетъ утренняго свѣта; къ тому же въ библіотекахъ свитки не будутъ въ такомъ случаѣ плѣсневѣть. Ибо въ тѣхъ изъ нихъ, которыя обращены на югъ или на западъ, свитки повреждаются отъ червей и сырости, такъ какъ влажные вѣтры, получая доступъ въ помѣщеніе (advenientes), производятъ и питаютъ червей, а также распространяютъ сырыя испаренія, покрывающія папирусы плѣсенью» ¹³⁶). Съ цѣлью предохраненія отъ порчи свитки зачастую вкладывались въ кожаные футляры (διφθέραι, membranae) и, если они составляли отдѣльныя части одного

¹³⁴) Къ числу подобныхъ находокъ относится инвентарь библіотеки, открытый въ Пирѣѣ и относящійся къ первому до-христіанскому столѣтію (сообщ. Hirschfeld въ Archäol. Zeit. за 1874). —Художественныхъ памятниковъ, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ, очень немного: см. Daremberg et Saglio Dictionn. p. 708, Baumeister Denkm. подъ словами „Bibliotheken“, „Bücher“, „Briefe“, „Schreibgerät“, „Schreibmaterialien“.

¹³⁵) Parthey p. 66.—Срв. Vitruv. VI, I: uti constitutio mundi ad terrae spatium inclinatione signiferi circuli et solis cursu disparibus qualitatibus naturaliter est collocata, ad eundem modum etiam ad regionum rationes coelique varietates videntur aedificiorum debere dirigi collocationes... Ita quod ultro natura laedit, arte erit emendandum.

¹³⁶) VI, 4. Срв. также I, 2: item naturae decor erit, si cubiculis et bibliothecis ab oriente lumina capientur.

сочиненія, то связывались въ пачку или помѣщались въ особыхъ ведрообразныхъ ящичкахъ, содержавшихъ въ себѣ иногда до десяти рукописей (*ναρθηκες, ναρθηκια, serinia*). Такого рода ящики особенно удобны были для рабочихъ кабинетовъ и школъ, позволяя ученымъ и учащимся имѣть постоянно подъ рукою небольшой ассортиментъ самонужнѣйшихъ справочныхъ книгъ и руководствъ. Въ библіотекахъ, разумѣется, свитки располагались въ шкапахъ (*ἀποθήκαι, armaria*). Эти шкапы снабжены были горизонтальными полками и закрывались посредствомъ двустворчатой дверки.

Александрійская библіотека состояла изъ нѣсколькихъ обширныхъ апартаментовъ. Какъ извѣстно, въ 1752 г. въ Геркуланѣ было найдено небольшое частное собраніе рукописей, числомъ около 1700 свитковъ, и однако оно занимало цѣлую комнату, по четыремъ стѣнамъ которой и по срединѣ стояли шкапы, наполненные манускриптами. Сколько такихъ свитковъ хранилось въ Брухінъ въ цвѣтущую пору, — доподлинно не знаемъ, но во всякомъ случаѣ сотни тысячъ, и можно ли сомнѣваться въ томъ, что Птолемѣи сумѣли достойнымъ образомъ обставить эту громадную коллекцію и что предназначенное ими для нея зданіе отличалось и удобствомъ, и просторомъ, и красотою? Возможно, что залы, гдѣ располагались книжные шкапы, были украшены статуями великихъ писателей и иныхъ знаменитостей ¹³⁷⁾. Къ этимъ заламъ примыкали помѣщенія, въ которыхъ производилась переписка, сортировка и каталогизація рукописей, и комнаты, служившія обиталищемъ многочисленнаго штата слугъ и помощниковъ главнаго библіотекаря (*βιβλιοφύλαξ*). Кромѣ того, такъ какъ Птолемѣи предоставили свое собраніе книгъ въ общественное пользованіе, то не было, вѣроятно, недостатка и въ такихъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ бы могли безвозбранно происходить занятія постороннихъ посѣтителей.

¹³⁷⁾ Обычай украшать различными статуями библіотечныя залы часто упоминается у писателей, и, я полагаю, онъ древнѣе, нежели то кажется Плинію, который недоумѣваетъ, кому приписать его начало. — Лагидамъ или Атталидамъ. Plin. H. N. XXXV, 2. — См. Daremberg Diction. p. 708, п. 44.

Мы только что коснулись спорнаго вопроса о томъ, какими цифрами выражалось богатство александрійской библіотеки. На основаніи указанныхъ выше свидѣтельствъ Авла Геллія и Амміана Марцеллина обыкновенно принимаютъ, что, когда при Цезарѣ большая часть ея сдѣлалась жертвою пламени, она заключала въ себѣ до семисотъ тысячъ свитковъ. Само по себѣ число это не можетъ внушать никакихъ подозрѣній. Всѣмъ извѣстно, какъ громадна была литературная производительность древнихъ народовъ, какъ сравнительно нечасты были свитки большого объема и какъ много дублетовъ должно было накопиться съ теченіемъ времени въ птолемеевой коллекціи при той системѣ собиранія книгъ, которая практиковалась въ Александріи и въ Пергамѣ. Однако нельзя сказать, чтобы, останавливаясь на приведенной цифрѣ, изслѣдователь чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Дѣло въ томъ, что наряду съ нею стоятъ и другія, несравненно меньшія, и вполне естественно вмѣстѣ съ Партеемъ предполагать, что сожалѣніе о невозвратимой потерѣ погибшихъ въ огнѣ сокровищъ легко могло повести къ значительнымъ преувеличеніямъ при опредѣленіи ихъ количества, — тѣмъ болѣе, что количество это непрерывно возрастало и отнюдь не представляло постоянной величины. Изъ ближайшихъ по времени къ катастрофѣ писателей ни одинъ не обмолвился относительно этого предмета ни словомъ, а тѣ поздніе авторы, показанія которыхъ намъ осталось теперь сличать и взвѣшивать, какъ то: Іосифъ Флавій, Епифаній, Кедренъ, Евсевій, Исидоръ, Синкелль и проч., не опираются ни на одно мало-мальски авторитетное имя и вмѣсто всякой ссылки на источникъ довольствуются въ данномъ случаѣ ничего не выражающимъ «ὡς τινὲς φασιν».

Поэтому, не отрицая и не утверждая того, что максимальная сумма книгъ въ александрійской библіотекѣ при послѣднихъ Птолемеехъ могла дѣйствительно выражаться числомъ 700,000, мы обратимся къ свидѣтельству, проливающему свѣтъ на состояніе этого книгохранилища во времена

Филадельфа,—въ тѣ времена, когда учрежденіе поступило въ вѣдѣніе Каллимаха.

Свидѣтельство это заключается въ извѣстномъ фрагментѣ тзетзовыхъ «Пролегоменъ къ Аристофану». Вотъ оно: «ὁ γὰρ ῥηθεὶς βασιλεὺς Πτολεμαῖος [ὁ Φιλάδελφος]—ἐπεὶ διὰ Δημητρίου τοῦ Φαληρέως καὶ γερουσίων ἑτέρων ἀνδρῶν δαπάναις βασιλικαῖς ἀπανταχόθεν τὰς βιβλους εἰς Ἀλεξάνδρειαν ἤθροισεν, οὓσι βιβλιοθήκαις ταύτας ἀπέθετο, ὧν τῆς ἐκτὸς μὲν ἦν ἀριθμὸς τετρακισμύρια δισχιλία ὀκτακόσια, τῆς δ' ἔσω τῶν ἀνακτόρων καὶ βασιλείου βιβλῶν μὲν συμμικτῶν ἀριθμὸς τεσσαράκοντα μυριάδες, ἀπλῶν δὲ καὶ ἀμισγῶν βιβλῶν μυριάδες ἐννέα, ὡς ὁ Καλλίμαχος νεανίσκος ὦν τῆς αὐλῆς ὑστέρωι μετὰ τὴν ἀνόρθωσιν τοὺς πίνακας αὐτῶν ἀπεγράψατο» [H. Keil p. 117]. Числа, здѣсь приведенныя, безъ измѣненія повторяются и въ плавтовомъ схолиѣ, и въ отрывкѣ анонима «περὶ κωμωδίας» (Ritschl Opp. p. 124).

Много было сдѣлано попытокъ съ цѣлью объяснить значеніе употребленныхъ въ этихъ текстахъ терминовъ «βιβλοι σύμμικτοι» («συμμιγῆς», «volumina commixta») и «βιβλοι ἀπλᾶ καὶ ἀμι[σ]γεις» («volumina simplicia et digesta»). Въ самомъ дѣлѣ, терминологія эта заключаетъ въ себѣ много темнаго и запутаннаго,—тѣмъ болѣе, что во всей греческой литературѣ кромѣ одного мѣста у Плутарха нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея примѣненія; но и въ этомъ мѣстѣ (Anton. 58) слова «βιβλία ἀπλᾶ» столь же мало понятны, какъ и у Тзетза. Подходящее объясненіе могли-бы дать намъ только «Списки» (πίνακες) Каллимаха, которому, по смыслу тзетзовыхъ словъ, принадлежало и самое раздѣленіе рукописей на «простыя» и «смѣшанныя»; но отъ каллимаховыхъ «Списковъ», какъ извѣстно, уцѣлѣли лишь ничтожныя отрывки, не дающіе на этотъ вопросъ никакого отвѣта.

Ричль перечисляетъ всѣ толкованія, какія, по его мнѣнію, допускаются нашими загадочными терминами. Устраняя совершенно различіе между папирусами, исписанными только съ одной стороны, и такъ называемыми «ὀπισθόγραφοι», а равно между единоличностью автора и множественностью его произведеній, онъ устанавливаетъ слѣдующій рядъ возможностей: 1) подъ «βιβλοι σύμμικτοι» можно разумѣть всю

массу собранныхъ въ библіотекъ литературныхъ произведе-
ній со включеніемъ въ эту массу и дублетовъ; наобо-
ротъ „βιβλοι ἀπλᾱι“ составили-бы въ такомъ случаѣ тотъ
остатокъ, который получится по устраненіи дублетовъ;
2) первое выраженіе можно также понимать въ смыслѣ обо-
значенія общей суммы книгъ (иначе—частей), а второе—
въ смыслѣ обозначенія суммы названій; 3) „βιβλος σύμμι-
κτος“ есть списокъ, заключающій въ себѣ нѣсколько не-
большихъ произведеній одного или многихъ авторовъ (Miscel-
lanrolle), „βιβλος ἀπλᾱι“ — манускриптъ, содержащій только
одно произведение; 4) въ четвертую рубрику относится
толкованіе, опирающееся на различіе между монографіями
(„μονόβιβλος“), коихъ все содержаніе укладывалось въ предѣлы
одного свитка, и большими сочиненіями, состоявшими изъ нѣ-
сколькихъ частей, а потому и нѣсколькихъ свитковъ; 5) различіе
между такими рукописями, на изготовленіе которыхъ былъ упо-
требленъ одинъ листъ папируса, и такими, которыя пред-
ставляли соединеніе нѣсколькихъ листовъ, наложенныхъ одинъ
на другой и прикрѣпленныхъ къ одной и той же палкѣ,
можетъ дать основаніе для новаго, —счетомъ, пятаго толко-
ванія; наконецъ 6) сумма возможностей, повидимому, исчер-
пывается, если къ сказанному присоединить, что въ видахъ
удобства перевозки совершенно различныя, ничѣмъ не свя-
занныя между собою рукописи ради сохраненія мѣста могли
быть свернуты въ одинъ толстый свитокъ; къ такимъ свит-
камъ можно было бы примѣнить названіе „βιβλοι σύμμικτοι“, ра-
зумѣя подъ послѣднимъ совокупность нѣсколькихъ „ἀπλᾱι“;
но самъ Ричль указалъ на серьезныя возраженія, которыя
какъ-бы сами собою противопоставляются этому искусствен-
ному толкованію ¹³⁸⁾.

Сравнивая между собою всѣ перечисленныя попытки
разгадать значеніе таинственныхъ терминовъ, нетрудно отдать
рѣшительное предпочтеніе первой изъ нихъ, какъ дѣлаетъ и
самъ Ричль, и понять слова Тзетза въ томъ смыслѣ, что

¹³⁸⁾ Ritschl Opuscc. p. 21 sq.

при Каллимахъ александрійское книгохранилище заключало въ себѣ 400,000 свитковъ, изъ коихъ за исключеніемъ многочисленныхъ дублетовъ при каталогизированіи библіотеки въ титульные списки было занесено только 90,000. «Это объясненіе», говоритъ Биртъ, «повидимому, представляетъ различныя внѣшнія преимущества. Оно дѣлаетъ понятнымъ, почему число «смѣшанныхъ» рукописей (*συμμιγείς*) во столько разъ больше числа «несмѣшанныхъ» (*ἀπλᾶ*). Оно далѣе, повидимому, можетъ отвѣтить на вопросъ, почему соответствующее различіе не было примѣнено и къ рукописямъ второй, меньшей библіотеки (*Serapeumsbibliothek*): вѣдь она именно заключала въ себѣ только дублеты первой. Наконецъ, изъ него же явствуется, почему объ отдѣльномъ библіотекаріатѣ для этой второй коллекціи книгъ, хранившейся въ Серапееѣ, намъ ничего неизвѣстно» ¹³⁹). Всѣ такія, какъ выражается Биртъ, «внѣшнія» преимущества дѣйствительно снискали принятому Ричлемъ объясненію почти всеобщее признаніе со стороны ученыхъ специалистовъ и утвердили за нимъ теперь въ литературѣ окончательное господство.

Но нельзя не смутиться тѣми трудностями, которыя возникаютъ при такомъ пониманіи тзетзовыхъ терминовъ. «Всякая *συμμιγής*», читаемъ у Бирта, «означаетъ только соединеніе предметовъ, различныхъ по роду; наоборотъ выраженіе Каллимаха, если оно указывало на присутствіе дублетовъ въ числѣ книгъ, должно было бы въ силу этого заключать въ себѣ указаніе именно на однородность послѣднихъ; этою однородностью ихъ долженъ былъ бы обусловливаться выборъ термина... Тоже самое, естественно, относится и къ противоположному выраженію *ἀμιγείς* или *ἀμισγείς*. Съ другой стороны еще менѣе возможно назвать свитки, оставшіеся за выдѣленіемъ всѣхъ дублетовъ, „*βίβλοι ἀπλᾶ*“. Отдѣльный экземпляръ, рядомъ съ которымъ нѣтъ другаго однороднаго, такъ и называется отдѣльнымъ, а не простымъ, — *singulare*, а не *simplex*, καὶ ἕν, а не ἀπλῶν» ¹⁴⁰).

¹³⁹) Birt Das antike Buchwesen, стр. 486.

¹⁴⁰) Тамъ же, стр. 487.

Къ этимъ соображеніямъ присоединяются еще и другія. Чѣмъ напр. объяснить такое непомѣрное скопленіе дублетовъ въ александрійской библіотекѣ при самомъ началѣ ея существованія? Было-ли оно случайнымъ результатомъ дѣятельности книгособирателей, или же одною изъ ея цѣлей, ея руководящимъ принципомъ? Последнее мало вѣроятно въ виду того, что, какъ мы знаемъ, не требованія филологической критики древнихъ текстовъ, которыя одни могли бы оправдать стремленіе къ приобрѣтенію однихъ и тѣхъ же произведеній въ столь большомъ количествѣ экземпляровъ, а нѣчто совсѣмъ другое стояло на первомъ планѣ для Птолемея Сотера и его пособника Деметрія фалерскаго, когда они приступили къ составленію библіотеки; первое же также весьма сомнительно, ибо свидѣтельствовало бы о непростительной небрежности и отсутствіи всякаго серьезнаго расчета, плана, системы со стороны лица, стоявшаго во главѣ предпріятія и, безъ сомнѣнія, завѣдывавшаго ассигнованными на сей предметъ суммами. При этомъ число 90,000, долженствующее означать по смыслу ричлева толкованія не количество произведеній или, точнѣе, названій, а лишь сумму свитковъ, изъ коихъ многіе могли приходиться на долю одного произведенія, кажется намъ весьма небольшимъ. И, если можно относиться съ недовѣріемъ къ тому, что александрійская библіотека при самомъ началѣ своемъ заключала въ себѣ почти полмилліона рукописей ¹⁴¹⁾, то, по моему, еще удивительнѣе было бы, когда бы всѣ усилія Деметрія фалерскаго, Зенодота и Каллимаха не привели ни къ чему кромѣ загроможденія библіотеки сотнями тысячъ одинаковыхъ экземпляровъ при относительно ничтожномъ количествѣ названій. Это имѣло бы нѣкоторый смыслъ, еслибы учрежденіе Лагидовъ преслѣдовало коммерческія, а не образовательныя

¹⁴¹⁾ „Referent hat obenein das starke Wunder, dass Alexandria schon in seiner jugendlichen Periode eine halbe Million Bücher besessen, noch durch keine Analogie zu rechtfertigen vermocht; und so liegt am nächsten die Zahl quadringenta für verdorben zu halten“ (Bernhardy въ Berl. Jahrb. für wissensch. Kritik. 1838, December).

цѣли. И даже допуская, что публичная бібліотека, каковою была александрійская, необходимо должна была имѣть въ наличности значительный ассортиментъ дублетовъ въ удовлетвореніе потребностей читающей публики, мы все же находимъ отношеніе, устанавливаемое нашими текстами, слишкомъ неравнымъ.

По мнѣнію Бернгарди, правильнѣе третье изъ выше приведенныхъ толкованій: βιβλοι ἀπλᾶι (simplices) суть такія рукописи, въ которыхъ заключается одно цѣльное или часть одного цѣльнаго сочиненія, а συρμιγυῖς (commixtae)—такія, которыя содержатъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ произведеній. При этомъ, какъ и Шнейдевинъ, къ нему примкнувшій, Бернгарди имѣлъ въ виду такъ наз. codices miscellanei и представлялъ себѣ βιβλος именно въ формѣ кодекса,—вещь, для каллимаховой эпохи невозможная. Биртъ внесъ въ пониманіе названныхъ ученыхъ необходимую поправку и истолковалъ βιβλοι συρμιγυῖς въ смыслѣ «смѣшанныхъ свитковъ», Mischrollen, volumina miscellanea,—на подобіе того экземпляра въ этомъ родѣ, который былъ найденъ въ Геркуланѣ (№ 1418 ed. Oron.) ¹⁴²⁾. Колоссальное неравенство между количествомъ этихъ смѣшанныхъ рукописей (400,000) и болѣе нежели вчетверо меньшимъ числомъ рукописей простыхъ (90,000) Биртъ попытался объяснить при помощи гипотезы, въ силу которой вплоть до временъ Филадельфа въ Греціи безусловно царила или по крайней мѣрѣ значительно преобладала система длинныхъ свитковъ (Grossrollensystem), только при Каллимахѣ вытѣсненная противоположною системою ¹⁴³⁾. А то невѣроятно-большое количество

¹⁴²⁾ Bernhardt ibid.; Schneidewin Götting. gelehrte Anzeigen (1840. II. Стр. 952). Keil у Ричля (Opuscul. p. 228 sqq.); Birt стр. 487 слл.

¹⁴³⁾ Birt стр. 490: „Es hält angesichts jenes Verdicts gegen das μέγα βιβλίον schwer sich der Vorstellung zu erwehren, dass die Erfindung oder doch gewiss die erste planmässige Anwendung des Kleinrollensystems und des Buchtheilungsprincips diesem Kallimachos zufällt und dass er selbst es war, der die redactionelle Arbeit der Theilung für viele der alten Schriftsteller übernahm“. Въ этомъ, быть можетъ, и есть доля правды; но для того, кто принимаетъ гипотезу Бирта, я рѣшительно не вижу непо-

отдѣльных произведеній (по его счету—1.248,000), какое мы, принимая подобную гипотезу, должны неминуемо предположить въ александрійской библіотекѣ въ разсматриваемую эпоху, онъ сократилъ до минимума путемъ весьма своеобразной теоріи.

Теорія эта заключается въ слѣдующемъ. Для того, чтобы представить себѣ процессъ составленія птолемеева собранія книгъ, надобно, утверждаетъ Биртъ, совершенно отрѣшиться отъ нынѣшнихъ воззрѣній на это дѣло. Администрація библіотеки Лагидовъ дѣйствовала безъ всякаго плана, безъ всякой опредѣленной программы. Дѣло шло объ удовлетвореніи каприза всемогущаго повелителя, о приобрѣтеніи рукописей въ возможно большемъ числѣ, о превращеніи Александріи въ громаднѣйшій книжный рынокъ, который бы сдѣлалъ подрывъ книжной торговлѣ Аѳинъ, Родоса и другихъ мѣстъ, — «ein Engrosverfahren, wie es sich nur die üppige Laune eines orientalischen Despoten einfallen lassen konnte». При такихъ условіяхъ, разумѣется, покупка манускриптовъ должна была производиться безъ разбора, безъ квалификаціи товара, и въ александрійскомъ складѣ грамоздились одна на другую рукописи не въ десяткахъ, а въ сотняхъ экземпляровъ. Это безпорядочное и мелочное стремленіе довести количество при-

средственной необходимости дѣлать изъ нея тотъ выводъ, который онъ дѣлаетъ. Мы видѣли уже, что лица, завѣдывавшія александрійскою библіотекою, — конечно, не безъ внушенія со стороны самихъ Птолемеевъ, — преимущественно стремились къ приобрѣтенію если не автографовъ, то по крайней мѣрѣ наилучше выправленныхъ, наиболѣе тѣсно съ автографами связанных списковъ. Можно было бы такимъ образомъ предположить, что книгопродавцами и коммисіонерами въ виду этой тенденціи александрійскихъ книгособирателей чаще всего и въ наибольшемъ количествѣ доставлялись имъ рукописи старыя, возникшія именно въ то время, когда дѣйствительно господствовало „das altmodische Grossrollensystem“, — рукописи, которыя составляли библіографическую рѣдкость и потому цѣнились высоко. Незачѣмъ, стало быть, думать, будто система короткихъ свитковъ и дѣленія большихъ сочиненій (независимо отъ содержанія ихъ, но лишь въ видахъ удобства) на „книги“ возникла не раньше временъ Филадельфа: что въ александрійской библіотекѣ „несмѣшанныхъ“ свитковъ оказалось меньше, чѣмъ „смѣшанныхъ“, — это могло бы просто объясняться тѣмъ предпочтеніемъ, которое здѣсь отдавалось рукописямъ стариннымъ и подлиннымъ передъ новѣйшими списками.

обрѣченныхъ свитковъ до такой внушительной цифры, которая бы возбудила всеобщее удивленіе, по Бирту, составляло единственный принципъ дѣятельности Птолемеевъ по устроению ихъ знаменитаго книгохранилища. Потому, не довольствуясь громадными на этотъ предметъ затратами, они не переставали увеличивать свои книжные запасы еще и перепискою имѣвшихся въ наличности произведеній. Последнее Биртъ доказываетъ ссылкой на слова Геллія: *ingens... numerus librorum a Ptolemaeis regibus vel conquisitus vel confectus est* (VI, 17) ¹⁴⁴⁾.

Однако ни эта теорія, навѣянная, быть можетъ, презрительнымъ отзывомъ Сенеки о библіофильскихъ тенденціяхъ Птолемеевъ, въ которыхъ римскій философъ не видѣлъ ничего кромѣ прихоти царскаго тщеславія, ни принятое Биртомъ толкованіе терминовъ „βιβλοι συμμιγῆς“ и „β. ἀπλαῖ“ не могутъ считаться вполне удовлетворительными. Я нахожу положительно неправдоподобнымъ рисовать себѣ александрійскихъ книгособирателей въ образъ какихъ то невѣжественныхъ и суетныхъ библіомановъ, поставившихъ своею ближайшею цѣлью накопить какъ можно больше исписанной бумаги. Слова Тзетза: „δαπάναις βασιλικαῖς ἀπανταχόθεν τὰς βιβλους εἰς Ἀλεξάνδρειαν ἤθροισεν“ нельзя понимать такъ, какъ понимаетъ ихъ Биртъ, толкующій выраженіе „τὰς βιβλους“ въ смыслѣ: «alle Exemplare, deren man habhaft wurde». Членъ τὰς имѣетъ здѣсь обособляющее, дейктическое значеніе: имѣются въ виду не всѣ свитки, какіе только можно себѣ представить, а лишь потребные свитки,—не тѣ, какіе подъ руку попадутся, а тѣ, которые составляютъ предметъ желанія и поисковъ ¹⁴⁵⁾. Въ такомъ же самомъ смыслѣ ниже (въ томъ же текстѣ) сказано: ἡ συναγωγὴ τῶν βιβλίων = собираніе [потребныхъ для опредѣленной цѣли] книгъ, составленіе книжной коллекціи. И дальше: „τότε δὲ συνηθροισμένων ἀπασῶν τῶν βιβλίων τῶν Ἑλληνίδων καὶ ἑθνικῶν παντὸς καὶ συν

¹⁴⁴⁾ Birt, стр. 391 слл.

¹⁴⁵⁾ Срв. Krüger Griech. Sprachlehre^b, I, 2 стр. 94, § 50, 2 прим. 4.

αὐταῖς τῶν Ἑβραίων, ἑκαῖνος“ хтѣ. Никому, конечно, не впадетъ на умъ понимать эти слова такъ, что въ концѣ концовъ во всей подлунной не осталось ни одного греческаго или еврейскаго манускрипта, который бы не попалъ въ руки книголюбиваго царя: рѣчь идетъ, очевидно, о полнотѣ александрійской библіотеки со стороны не количественнаго, а качественнаго ея содержанія.

Вообще нельзя думать, что библіотекари въ Александріи дѣйствовали безъ всякаго плана. Они были не первыми пионерами въ дѣлѣ составленія книжнаго собранія. Не поминая уже о древнѣйшихъ попыткахъ этого рода, укажемъ на Платона, Аристотеля, Теофраста. Живой примѣръ этихъ людей былъ передъ глазами у Деметрія фалерскаго и первыхъ Птолемеевъ, и они не могли имъ не пользоваться. А все, что мы знаемъ о названныхъ философахъ, отнюдь не позволяетъ предполагать, будто они собирали книги не методически. Объ Аристотелѣ Страбонъ прямо выражается: πρῶτος ὧν ἴσμεν συναγαγὼν βιβλία καὶ διδάξας τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ βασιλέας βιβλιοθήκης σύνταξιν (XIII, 54). Конечно, πρῶτος можетъ означать въ этой фразѣ только то, что великій стагиритъ былъ первымъ человѣкомъ, положившимъ въ основаніе своей коллекціи книгъ твердый принципъ, и что библіотека его была первымъ научно организованнымъ собраніемъ. Что касается Платона, то и онъ, разумѣется, собиралъ книги не зря, но съ выборомъ, о чемъ свидѣлствуютъ Тимонъ, Дуридъ, Гераклидъ и др., и даже не останавливался передъ серьезными матеріальными затрудненіями, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи какого нибудь рѣдкаго и малодоступнаго, но необходимаго для него сочиненія ¹⁴⁶).

Да и странно было бы думать иначе. Кто же не знаетъ, какимъ хламомъ были зачастую завалены книжныя лавки? То время, когда книги пріобрѣтались только для пополненія пустыхъ мѣстъ въ шкапахъ и на полкахъ, — время, осмѣянное Лукіаномъ, Ювеналомъ и др., было еще

¹⁴⁶) Wilamowitz Antig. v. Karystos, стр. 284 слл.

далеко. Въ александрійскомъ музеѣ, навѣрное, не оказалось бы недостатка въ людяхъ, которые во благо науки, покровительствуемой Птолемэями, сумѣли бы удержать ихъ отъ вреднаго увлеченія, еслибы въ пылу ненасытной страсти къ увеличенію своихъ рукописныхъ сокровищъ они дѣйствительно подчасъ преступали мѣру и непроизводительно тратили средства на приобрѣтеніе лишнихъ экземпляровъ такихъ сочиненій, которыя въ библіотекѣ были уже представлены достаточнымъ количествомъ списковъ. Безспорно, на первыхъ порахъ, когда въ удовлетвореніе внезапно открывшагося на этотъ предметъ спроса книги потекли въ Александрію массами, въ царское книгохранилище въ Брухін понало не мало лишняго, негоднаго и поддѣльнаго. Могло быть иногда и такъ, что, хотя въ наличности здѣсь и имѣлось уже нѣсколько экземпляровъ одного какого-нибудь произведенія, но вдругъ представлялся случай приобрѣсти особенно цѣнный по своей древности или полнотѣ списокъ его, и этотъ списокъ прибрѣтался. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, руководящимъ принципомъ дѣятельности александрійскихъ библіотекарей накопленіе дублетовъ быть не могло. Время Птолемэевъ было какъ разъ тѣмъ временемъ, когда при подавляющей массѣ литературнаго наслѣдія, доставшагося грекамъ отъ предковъ, особенно живо стала ощущаться потребность разобраться въ этой массѣ, опознаться въ ней, отдѣлать пшеницу отъ плевелъ. Образовательныя учрежденія Лагидовъ должны были въ высокой мѣрѣ способствовать рѣшенію этой задачи, и, какъ одно изъ нихъ, — музей, — не было съ самаго начала пенсіономъ или богадѣльнею, во что превратилось впоследствии, такъ и другое, — библіотека, — представляло собою нѣчто большее, нежели только депо исписаннаго папируса: въ совокупности съ прочими научными коллекціями, собранными въ Александріи, оно заключало въ себѣ необозримый аппаратъ пособій и матеріаловъ, необходимыхъ для ученой и литературной дѣятельности членовъ музея, и было обязано своимъ происхожденіемъ не «капризу восточнаго деспота», а широкому пониманію потребностей вѣка и горячей любви

къ просвѣщенію,—качествамъ, которыми существенно характеризуются первые два представителя птолемеевой династии.

Насколько ошибается Биртъ, предполагая, что для правильного пониманія принциповъ, лежавшихъ въ основаніи александрійскаго книгособиранія, слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ воззрѣній нашего времени,—на это весьма краснорѣчиво указываетъ существованіе цѣлой литературы, посвященной практическимъ вопросамъ библіотечнаго дѣла и восходящей своими корнями именно ко временамъ непосредственныхъ учениковъ Аристотеля. Не говоря о значительно позднѣйшихъ продуктахъ этой литературы вроде трактатовъ Дамофила „περὶ ἀξιολογῆτων βιβλίων“, Филона изъ Библа „περὶ κτήσεως καὶ ἐκλογῆς βιβλίων“, Телефа пергамскаго „βιβλιακὴ ἐμπειρία“ и т. п., я назову здѣсь напр. Артемона, написавшаго „περὶ συναγωγῆς βιβλίων“ и „περὶ βιβλίων χρήσεως“ (последнее сочиненіе по крайней мѣрѣ въ двухъ книгахъ, срв. Athen. XV р. 694 а.). Этотъ Артемонъ былъ родомъ изъ Кассандріи, принадлежалъ, повидимому, къ школѣ перипатетиковъ и первый сдѣлалъ попытку собрать письма Аристотеля, которыя и издалъ въ восьми книгахъ ¹⁴⁷). Коллекція эта постепенно пополнялась и ко временамъ Андроника достигла почтеннаго объема 20 книгъ, изъ чего мы вправѣ заключить, что Артемонъ жилъ и дѣйствовалъ раньше Андроника. Болѣе тѣсно его дата опредѣляется приписываемою ему у Аѳеней ссылкой на Діонисія Скитобрахіона (Athen. XII р. 515 е.), коего онъ могъ быть, слѣдовательно, младшимъ современникомъ. Что вообще между нимъ и школою Аристотеля существовала нѣкоторая связь,—это легко усмотрѣть даже изъ тѣхъ скудныхъ фрагментовъ, которые дошли до насъ. Въ одномъ изъ нихъ, напр., онъ выступаетъ передъ нами съ диэарховымъ дѣленіемъ пѣсенъ на три класса. Какъ бы то ни было Артемонъ, очевидно, принадлежалъ къ числу первыхъ лите-

¹⁴⁷) См. Rose Aristot. pseudepigraph. стр. 588; Джемалуддинъ [157 Wenr.] вмѣсто Артемона называетъ нѣкоего Арета (цит. Zeller Philos. d. Griech. II, 2², стр. 44 прим.). Отрывки, которые можно приписать этому автору, см. у Мюллера (F. H. Gr.), стр. 342 слл.

ратурныхъ представителей того убѣжденія, что, какъ при собираніи книгъ, такъ и въ пользованіи ими необходимо слѣдовать опредѣленному плану. Такое убѣжденіе могло воспитаться въ школѣ Аристотеля, естественно, подъ вліяніемъ ея учителя, составлявшаго, какъ мы видѣли, свою библіотеку методически, и несомнѣнно, что оно раздѣлялось и Сотеромъ, и его руководителемъ Деметріемъ фалерскимъ. Въ музеѣ оно выразилось трудами многихъ ученыхъ, занимавшихся сравнительною оцѣнкою древнихъ писателей (κρίσις τῶν ἀρχαίων, κρίσις τῶν ποιητῶν). Преданіе о такъ назыв. «александрійскомъ канонѣ» составляло не болѣе, какъ его отголосокъ.

Итакъ, въ виду изложенныхъ соображеній, слѣдуетъ попытаться истолковать термины «βιβλοὶ σύμμιχτοι» и «β. ἀμύγεις» иначе, нежели то дѣлаютъ Ричль и Биртъ. Мы сослались выше на справедливое замѣчаніе Бирта, что всякая σύμμιξις есть смѣшеніе разнородныхъ предметовъ. Представимъ же себѣ, что въ библіотекѣ Лагидовъ ко временамъ Каллимаха накопилось 400,000 самыхъ разнородныхъ манускриптовъ: здѣсь были и небольшіе трактаты и поэтическія произведенія, обнимавшіе пространство одного не слишкомъ длиннаго папируса («Kleinrollensystem»); здѣсь были и объемистыя пачки свитковъ, составлявшихъ отдѣльныя части большаго сочиненія; здѣсь имѣлись и сборники различныхъ по содержанию и по объему рукописей, прикрѣпленныхъ ради сбереженія мѣста, какъ это иногда практиковалось, по нѣскольку къ одному деревянному стержню и заключенныхъ въ одинъ футляръ; здѣсь, наконецъ, собрано было много и такихъ манускриптовъ, которые на протяженіи длинной полосы въ 700 и болѣе столбцовъ содержали цѣликомъ большія сочиненія вродѣ ѳукидидовой исторіи пелопоннесской войны или даже цѣлый рядъ отдѣльныхъ произведеній, въ своей совокупности не уступавшихъ по величинѣ ѳукидидовой исторіи. Прибавимъ къ этому, что и по качеству матеріала, и по степени древности и своей рѣдкости рукописи александрійской библіотеки были весьма разнородны: наряду съ автогра-

фами, приобрѣтенными на вѣсь золота, встрѣчались экземпляры, изготовленные царскими писцами въ самой Александріи¹⁴⁸⁾; среди массы свитковъ самыхъ обыкновенныхъ попадались и писа, отличавшіяся именно тѣми свойствами, которыя наиболѣе цѣнились, — шириною, тонкостью, бѣлизною и плотностью папируса, особеннымъ искусствомъ его полировки, нѣжнымъ благоуханіемъ кедра, изъ котораго былъ сдѣланъ деревянный стержень свитка, красотою почерка и т. п. Если сверхъ того будемъ помнить, что и со стороны языка не всѣ книги александрійской библіотеки были однородны, что Птолемей охотно приобрѣтали не одни только греческія, но и иноязычныя произведенія, то значеніе термина „βιβλοσύμμιχτοι“ станетъ намъ совершенно ясно и не будетъ возбуждать никакихъ недоумѣній.

Когда Каллимахъ приступилъ къ составленію своихъ «Таблицъ» или «Списковъ» (τίνακες), т. е. рациональнаго каталога ввѣренной его попеченіямъ библіотеки, то онъ не имѣлъ въ виду описать весь ея инвентарь, — нѣтъ, онъ преслѣдовалъ болѣе историко-литературныя, нежели статистическія задачи, а потому и долженъ былъ выдѣлить изъ общей суммы 400,000 свитковъ только нѣкоторую долю подходящаго для его цѣлей матеріала. Рѣдкости, коихъ цѣнность зависѣла не столько отъ внутренняго содержанія, сколько отъ внѣшняго ихъ вида, онъ оставилъ въ сторонѣ, такъ какъ онѣ представляли интересъ лишь для библіофила,

¹⁴⁸⁾ Въ древности существовало обыкновеніе обучать письму военно-плѣнныхъ, которыхъ затѣмъ государство употребляло въ качествѣ писцовъ въ различныхъ вѣдомствахъ: *δοῦλους εἶχον δημοσίους οἱ Ἀθηναῖοι ἀπὸ αἰχμαλωτῶν ποιήσαντες καὶ ἐδίδασκον τοὺς γραμματάς καὶ ἐξέπεμπον αὐτοὺς ἐν τοῖς πολέμοις μετὰ τῶν ταμιῶν καὶ τῶν στρατηγῶν, ἵνα ἀπογράφουσι τὰ ἀναλισκόμενα* (Schol. ad Demost. Olynth. II, 19). Ничто не мѣшаетъ предположить, что переписка въ александрійской библіотекѣ производилась также обученными рабами, такъ наз. *βιβλιογράφοι*. Они изготовляли, вѣроятно, копіи съ рѣдкихъ экземпляровъ собранія для выдачи постороннимъ посетителямъ, для второй библіотеки, находившейся въ кварталѣ Ракотидѣ, для обмѣна на новыя рукописи, для цѣлей преподаванія, происходившаго въ стѣнахъ музея, и т. п. Преданіе о приобрѣтеніи ликургова списка аттическихъ трагиковъ проливаетъ на дѣятельность александрійскихъ переписчиковъ нѣкоторый свѣтъ.

но могли не имѣть никакого историко-литературнаго значенія или же являли собою нѣчто вродѣ нынѣшнихъ Prachtausgaben наряду съ обыкновенными списками тѣхъ же самыхъ сочиненій. Такимъ образомъ рукописи, которыя онъ подвергъ своему разсмотрѣнiю, были, во первыхъ, простыя (ἀπλᾶ, simplicia): ихъ внутреннiя достоинства приковывали вниманiе ученаго въ большей мѣрѣ, нежели ихъ наружный видъ ¹⁴⁹). Съ другой стороны были устранены манускрипты иноязычныя (не-греческiе), въ оцѣнкѣ которыхъ Каллимахъ могъ быть некомпетентенъ ¹⁵⁰), и, само собою разумѣется, всѣ дублиеты, частью намѣренно собранныя въ библиотекѣ, частью случайно туда попавшiе. Стало быть, описанiю подлежали, во вторыхъ, только исключительно греческiя рукописи безъ примѣси (ἀμυγεῖς, digesta) постороннихъ, не-греческихъ, и притомъ въ разбивку, по сочиненiямъ, независимо отъ того, были ли эти сочиненiя по нѣскольку соединены въ сборники (volumina miscellanea, Miscrollen), или нѣтъ ¹⁵¹). При такомъ переборѣ матеріала внѣ размо-

¹⁴⁹) „ἀπλοῦς“ противопоставляется не только „διπλοῦς“, „τριπλοῦς“ и проч., но оно есть также противоположность всего искусственнаго (срв. напр. ἀπλοῖ τρόποι), изысканнаго (напр. ἀπλοσχῆμων), прикрашеннаго, поддѣльнаго (срв. прозванiе Антисеена ἀπλοκῶων, Diog. L. VI, 13). Такiя изданiя, какъ знаменитая „Pias in pice“, никомъ образомъ не могутъ быть названы ἀπλᾶ. Я не хочу сказать, что это чудо каллиграфiи нужно приурочить къ александрийскимъ временамъ, но искусство аѳинскихъ и александрийскихъ переписчиковъ, безспорно, было очень велико и способно производить всевозможныя кунштюки, разчитанныя на прихотливый вкусъ завзятыхъ библиофиловъ. Возможно притомъ, что и подлинность произведенiй также входила, какъ одинъ изъ признаковъ, въ составъ понятiя „βιβλοι ἀπλᾶ“.

¹⁵⁰) О присутствiи иноязычныхъ сочиненiй въ собранiи Птолемеевъ, — какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, — есть помимо Тзетза и плавтинскаго схолиа нѣсколько свидѣтельствъ. Срв. напр. Syncell. p. 271 Dale: ὅς [Πτ. Φιλάδεφρος] πάντων Ἑλλήνων τε καὶ Χαλδαίων Αἰγυπτίων τε καὶ Ῥωμαίων τὰς βιβλους συλλεξάμενος καὶ μεταφράσας τὰς ἀλλογλώσσους εἰς τὴν Ἑλλάδα γλώσσαν μυριάδας βιβλίων ἰπέθετο. Важенъ, разумѣется, не буквальный смыслъ этого текста, а общее указанiе, въ немъ заключающееся. [Срв. прим. 114].

¹⁵¹) Если напр. смѣшанный свитокъ заключалъ въ себѣ нѣсколько произведенiй, изъ коихъ каждое могло бы составить и отдѣльную книгу (βιβλος), то, я полагаю, въ счетъ шло столько книгъ, сколько можно было выдѣлить изъ этого свитка.

трѣнія по разнымъ причинамъ осталось 310,000 нумеровъ, а подлежащихъ занесенію въ списки оказалось 90,000.

Предлагаемое толкованіе, какъ намъ кажется, не представляетъ тѣхъ неудобствъ, съ которыми сопряжены толкованія Ричля и Бирта, и за неимѣніемъ лучшаго мы рѣшаемся на немъ остановиться. Во всякомъ случаѣ оно показываетъ, что рядъ возможностей Ричлемъ не исчерпанъ совершенно и что кромѣ допущенныхъ имъ комбинацій есть по крайней мѣрѣ еще одна ¹⁵²⁾.

Общее число свитковъ, имѣвшихся въ александрійской библіотекѣ, не разъ пытались выразить съ помощью болѣе понятной намъ формулы,—въ страницахъ и томахъ современныхъ изданій. Такъ, по I. Шмидту, при Цезарѣ библіотека Лагидовъ заключала въ себѣ приблизительно около 30—40,000 нашихъ томовъ in folio, страницъ въ 900 каждый; по Маттеру, ея содержимость можно приравнять къ матеріальному объему нынѣшней библіотеки въ 150,000 томовъ различнаго формата. Было бы гораздо интереснѣе, хотя бы аннотативно, опредѣлить количество названій или отдѣльныхъ произведеній, вошедшихъ въ ея составъ. Къ сожалѣнію, это неисполнимо. Приходится удовольствоваться лишь общимъ замѣчаніемъ, что литературная производительность древнихъ народовъ по своимъ размѣрамъ во всякомъ случаѣ не уступала нынѣшней и что преданія сохранили намъ изъ древне-греческой исторіи, особенно изъ временъ послѣ-классической полиграфіи, не мало поразительныхъ примѣровъ писательской плодовитости. Всѣмъ извѣстны цифры, коими выражалась продуктивность греческихъ драматурговъ: одному Софоклу приписывалось 123 піесы, не считая нѣсколькихъ элегій и пѣановъ; 57 поэтовъ средней комедіи въ своей совокупности произвели 617 піесъ; новые комики были плодовитѣе, и изъ нихъ Менандру принадлежало 108, Дифилу—100, Филемону—97 произведеній. Въ области

¹⁵²⁾ О новомъ толкованіи Dziatzko (Rhein. Mus. 46, стр. 349 слл.) см. въ прибавленіяхъ.

прозы историки, ораторы и философы особенно отличались производительностью: Филохоръ напр. оставилъ послѣ себя не меньше 20 отдѣльныхъ сочиненій, распадавшихся не менѣе, чѣмъ на 60 книгъ; за Демосѣеномъ древніе признавали 65 рѣчей, не считая другихъ его мелкихъ работъ, за Исократомъ—около 60, за Лисіемъ—233, а со включеніемъ подложныхъ—даже 425; съ именемъ Платона дошло до насъ 42 діалога, 13 посланій и нѣсколько такъ наз. *бροι*,—почти все, что приписывала ему уже и древность, а Аристотелю, если вѣрить показанію Діогена лаэртскаго, принадлежало 146 самостоятельныхъ трактатовъ, т. е. въ общей сложности до 400 книгъ. Приведенныя цифры и имена выхвачены мною на удачу, они представляютъ подборъ совершенно случайный и отличаются отрывочностью, но, ссылаясь на нихъ, я имѣлъ въ виду только напомнить, что измѣрять литературное наслѣдіе, доставшееся александрійской эпохѣ отъ предшествовавшихъ временъ, слѣдуетъ не иначе, какъ десятками тысячъ отдѣльныхъ произведеній, и что въ библіотекѣ Птолемеевъ при общемъ ея составѣ въ 400,000 свитковъ число дублетовъ могло и не выражаться такими несообразно большими цифрами, какъ это часто допускается ¹⁵³).

* * *

Александрійскій музей просуществовалъ втеченіе слишкомъ полутысячелѣтія и даже въ пору упадка и запус-тѣнія не вполнѣ утратилъ еще все обаяніе прежней славы. Въ годину борьбы отжившихъ, разлагающихся началъ античной жизни съ новыми, христіанскими вѣяніями здѣсь продолжала кипѣть неустанная работа мысли, и, когда христіанство было возведено на степень государственной религіи, сила традиціи оказалась настолько несокрушимой, что и ученость христіанская утвердилась здѣсь же, въ

¹⁵³) По свидѣтельству Свида, въ частной библіотекѣ грамматика Эпафродита, не заключавшей въ себѣ, безъ сомнѣнія, дублетовъ, имѣлось 30 т. рукописей, притомъ самыхъ рѣдкихъ и избранныхъ. [Эпафродитъ жилъ и дѣйствовалъ во времена Нерона].

Александрію, сохранившей за собою всеми признанную репутацію всемірнаго культурнаго центра.

Первый ударъ цвѣтущему состоянію музея былъ нанесенъ Птолемеємъ VII (около 145 г. до Р. X.), дикимъ и жестокимъ тираномъ. Рядомъ безсмысленныхъ и несправедливыхъ казней онъ произвелъ такую панику въ стѣнахъ ученаго учрежденія, что началось повальное бѣгство его членовъ изъ Александріи. Грамматики, философы, математики, музыканты, живописцы, медики наводнили острова Средиземья и греческій континентъ и подъ гнетомъ нужды стали продавать свои знанія по самой дешевой цѣнѣ. Правда, со смертію гонителя музей снова заселился; но прошло столѣтіе, и надъ нимъ стряслась опять бѣда. Въ Александрію явились римскія войска. Произошелъ мятежъ черни; корабли римлянъ, стоявшіе въ гавани, были сожжены; огонь перешелъ на корабельныя верфи и хлѣбныя магазины и охватилъ зданіе библіотеки. Большая часть ея сокровищъ погибла въ пламени. Когда впоследствии Антоній возмѣстилъ убыль на счетъ пергамской коллекціи, то онъ все же не могъ пополнить всѣхъ потерь, и многія рѣдкости исчезли безвозвратно.

Впоследствии, подобно Антонію, Августъ также обнаружилъ интересъ къ великому созданію Птолемеєвъ и сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы книги хранились отнынѣ въ помѣщеніяхъ выстроеннаго въ его честь рядомъ съ музеемъ святилища, — Себастея. Но преемники Августа не раздѣляли его заботъ объ александрійскомъ книгохранилищѣ, какъ равно и о прочихъ воспитательныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ египетской столицы. Лишь при Адріанѣ музей пользовался короткимъ временемъ высочайшаго покровительства и процвѣтанія. Авреліанъ разорилъ до основанія весь Брухій (въ 273 г. послѣ Р. X.), и ученая коллегія этого квартала съ печальными остатками библіотеки перекочевала къ Серапею, который унаслѣдовалъ отъ музея его славу и его членовъ и оставался любимой резиденціею дѣятелей науки вплоть до византійскихъ временъ.